

МИНИСТЕРСТВО АБСУРДА. НАЛОГОВАЯ ИНСПЕКЦИЯ ГАЛАКТИКИ

Феникс Фламм

ДОЛГ: 8.2 МЛРД
ГАЛАКТИЧЕСКИЙ КРЕДИТ

Феникс Фламм

**Министерство Абсурда.
Налоговая инспекция Галактики**

«Автор»

2026

Фламм Ф.

Министерство Абсурда. Налоговая инспекция Галактики /
Ф. Фламм — «Автор», 2026

2045 год. Недалёкое будущее, когда человечество наконец подошло к своему главному экзамену — проверке на разум, ответственность и финансовый статус. Из глубин Галактики приходит официальное письмо: Земля признана молодой цивилизацией уровня 0.7 и должна оплатить задолженность по налогам за собственное существование. Счёт — восемь миллиардов кредитов. Срок — двенадцать месяцев. Так начинается великая комедия вселенского масштаба — Министерство Абсурда. Налоговая инспекция Галактики — роман о столкновении космической бюрократии с человеческой логикой, где смешно до слёз и страшно до узнавания. Здесь философия превращается в бухгалтерию, а чиновники спорят с богами о стоимости сознания. Министерство Абсурда — остроумный, блистательно ироничный портрет нашей цивилизации, которая дошла до звёзд но почему-то забыла, что у Земля есть другие владельцы.

© Фламм Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Мир, которому выставили счёт	5
Глава 1. Совет Безопасности	12
Глава 2. Цифры	17
Глава 3. Звезда Смерти	22
Глава 4. Пять способов не платить Галактике	26
Глава 5. Бумажный поток	32
Глава 6. Новая надежда	40
Глава 7. Чуи-койн	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Феникс Фламм

Министерство Абсурда.

Налоговая инспекция Галактики

Пролог. Мир, которому выставили счёт

1

Андерс Волд занимал пост Генерального секретаря ООН одиннадцать лет. Это, конечно, был уже перебор. Должность, которую никто не хотел, выпала ему, потому что все остальные отказались. Шёл 2045 год. Мир доживал свой срок в режиме вечных черновиков.

Волд помнил, каким был мир раньше. Не хорошим — просто другим. Тогда войны ещё заканчивались. Тогда саммиты ещё что-то решали. Тогда бюрократия была инструментом, а не смыслом.

Теперь бюрократия стала воздухом. Её не замечали, но без неё задыхались.

2

К 2040-му году человечество изобрело идеальную форму существования: бесконечное согласование.

Санкции вводили в 14 чтений. Отменяли в 22. Новые санкции — в 8. Войны шли по регламенту, утверждённому ещё в 2035-м. Документ назывался «Временный порядок ведения вооружённых конфликтов на период глобальной нестабильности». «Временный» стал постоянным восемь лет назад.

Война больше не была ужасом. Она была процедурой.

Проливы и заливы — Босфор, Ормузский, Малаккский, Гибралтар — превратились в многостраничные юридические лабиринты. Каждый квадратный километр воды имел свой статус: «территориальные воды», «зона ответственности», «акватория совместного патрулирования», «нейтральные воды с правом прохода», «нейтральные воды без права прохода», «воды, требующие дополнительного согласования». Последняя категория занимала 40 % мирового океана.

— Мы контролируем всё, — сказал как-то Волду его помощник. — Кроме того, что происходит.

Андерс Волд кивнул. Он знал. Он подписал половину этих документов. Не потому, что верил в них. Потому что подписание документа было его работой. Если он не подпишет — придёт другой. И подпишет.

Он стал генсеком в 2034-м. Швед. Нордическое лицо, вечная усталость в глазах, привычка поправлять очки перед тем, как сказать что-то важное. Его называли «последним человеком, который пытался». Теперь не называли никак. Он просто был. Как мебель.

3

Рабочий день Волда начинался в 8:00. Заканчивался — никогда.

У него было три телефона. Красный — связь с военными. Синий — с Совбезом. Белый — личный. На белый никто не звонил.

Его кабинет в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке был стерильно чистым. Никаких личных вещей. Только флаг, портрет предшественника (Волд не помнил его имени) и стопка бумаг, которая росла быстрее, чем он успевал читать.

Каждое утро помощница — женщина лет пятидесяти, которую звали Эстер, единственный человек, называвший его по имени — приносила свежие отчёты.

— Что сегодня? — спрашивал Волд.

— Очередной раунд переговоров по Босфору. Турция требует пересмотра статуса пролива. Россия угрожает выходом из соглашения. НАТО проводит учения. Иран направляет корабли для наблюдения.

— Обычное утро.

— Обычное.

Волд подписывал документы. Их было 47. 12 — о продлении санкций. 8 — о гуманитарных коридорах в Африке. 5 — о климатических беженцах. 3 — о кибератаках на энергосети. Остальные — «разное». В «разном» были назначения, отставки, поздравления, соболезнования, запросы на финансирование, жалобы, апелляции и один запрос от жителя Невады, который требовал, чтобы ООН официально признала, что Луна — это голограмма.

Волд подписал и его. Потому что была процедура. На каждый запрос полагался ответ.

4

Мир, которым управлял Волд, был миром неразберихи, упакованной в папки с грифом «секретно».

Никто не знал, сколько действующих международных договоров существует. Цифра колебалась от 15 до 300 тысяч, в зависимости от того, считать ли просроченные и забытые. Никто не знал, какие санкции действуют в данный момент. Последний раз их сводку составляли в 2036-м. С тех пор 47 стран ввели 312 новых пакетов. Отменили 89. Заменяли одни другими. Запутались.

Волд однажды попросил юристов составить актуальный список. Юристы попросили 80 миллионов долларов и 12 лет. Проект закрыли.

Бюрократия стала самовоспроизводящейся машиной. Она больше не обслуживала политику. Она сама была политикой. Заседания проводились ради заседаний. Документы писались ради документов. Войны начинались потому, что «так было предусмотрено планом».

Саммиты. Бесконечные конференции. Климатический саммит в Осло. Экономический в Давосе. Саммит по продовольственной безопасности в Найроби. Саммит по миграции в Стамбуле. Саммит по кибербезопасности в Таллине. И даже Саммит по саммитам в Женеве (Волд там председательствовал).

На каждом саммите принимали декларации. Декларации никто не выполнял. Через год принимали новые декларации, которые отменяли старые. Через год — третьи, которые возвращали первые.

— Это бессмысленно, — сказал однажды Волд своему заместителю.

— Это система, — ответил тот.

— В чём разница?

— В системе есть зарплата.

Волд не нашёлся, что ответить.

5

Войны давно шли по расписанию.

Это не было секретом. Просто об этом не говорили вслух.

В 2035 году, после третьей войны в Персидском заливе, великие державы устали. Они подписали «Рамочную конвенцию по управлению вооружёнными конфликтами». Документ объёмом 840 страниц регламентировал всё: от максимальной продолжительности боевых действий (6 месяцев) до допустимого числа жертв (не более 5 тысяч с каждой стороны, после чего обязательное прекращение огня).

Военные называли это «войной по регламенту». Журналисты — «войной в рассрочку». Народ — «мыльными войнами».

Каждый конфликт проходил одни и те же стадии: обострение, ультиматум, ввод войск, боевые действия, переговоры, перемирие, новый саммит, новый договор, новая передышка до следующего обострения.

Цикл занимал 3–4 года. Как Олимпийские игры. Только вместо медалей — территории. Вместо гимна — звук сирен.

Волд наблюдал это все 11 лет. Он видел, как люди перестали бояться. Не потому, что война стала безопасной. А потому, что она стала привычной. Как дождь. Как налоги. Как новости о чьей-то смерти за завтраком.

— Мы привыкли к катастрофам, — сказал он однажды Эстер. — К любой. Кроме одной.

— Какой?

— К той, которую не можем объяснить.

Эстер не поняла. Волд не мог объяснить. Он и сам толком не знал, что имел в виду.

6

Утро 17 марта 2045 года было самым обычным утром пятницы.

Волд сидел за столом. Кофе остыл. Отчёты лежали стопкой. 47 документов ждали его подписи.

Эстер вошла без стука — она могла.

— Андерс, — сказала она. Голос был странный. Волд поднял голову.

— Что?

— Нам пришло письмо.

— От кого?

— Я не знаю. Отправитель: «Галактическая налоговая инспекция». Тема: «Уведомление о задолженности цивилизации уровня 0.7».

Волд снял очки. Протёр их. Надел обратно.

— Это шутка, — сказал он. Не вопрос. Утверждение.

— Я проверила. Сертификаты подлинности. Электронная подпись — 4096-битное шифрование. IP-адрес отправителя не определяется. Физически не существует.

— Технический советник?

— Сказал, что это не вирус. Но и не похоже на реальное письмо.

— Военная разведка?

— Не могут определить источник. Говорят, такого адреса нет ни в одной сети. Ни земной, ни спутниковой. Его просто... не существует.

— Тогда это хакеры, — сказал Волд. — Очень хорошие хакеры. Или очень плохие шутники.

Эстер промолчала. Она знала, что Волд не верит в то, что говорит. Он просто заполняет паузу. Это была его привычка — говорить что-то, пока мозг переваривает информацию.
— Покажи письмо, — сказал он.
Эстер развернула экран. Волд начал читать.

«УВЕДОМЛЕНИЕ О ЗАДОЛЖЕННОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИИ УРОВНЯ 0.7

Кому: Правительство планеты Земля

От: Галактическая налоговая инспекция, отдел по работе с молодыми цивилизациями

Счёт №: ГИ-8472-ЗМ-001984-07

Дата выставления: 17.03.2045 (по земному летоисчислению)

Способ доставки: автоматический (электронный канал связи № 0, приоритет — «младенческая цивилизация»)

Уважаемые налогоплательщики, временно не вышедшие в космос!

Ваш платёж по счёту № ГИ-8472-ЗМ-001984-07 просрочен на 131 земной год и 11 месяцев.

Задолженность по основному платежу:

6 047 225 488 (шесть миллиардов сорок семь миллионов двести двадцать пять тысяч четыреста восемьдесят восемь) галактических кредитов.

Пени за просрочку (0,5 % за каждый стандартный цикл):

1 200 004 000 галактических кредитов.

Штраф за нарушение порядка регистрации цивилизации (статья 14.2.1 ГНК):

999 999 999 галактических кредитов.

Общая сумма к оплате:

8 247 229 487 галактических кредитов.

Срок уплаты:

30 стандартных циклов 12 (двенадцать) земных месяцев с момента получения уведомления.

Реквизиты для оплаты:

Получатель — Галактическая налоговая инспекция

Счёт № ГН-00-8472-ЗМ-ГАЛ-1895

Код банка — МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ-ЦЕНТР

Назначение платежа — «Погашение задолженности молодой цивилизации уровня 0.7, без права на переселение»

Принимаемые формы оплаты:

— галактические кредиты;

— любые материальные ценности (золото, нефть, айфоны — в порядке убывания ценности);

— интеллектуальная собственность;

— трудовые ресурсы (рабочие особи, желательно добровольные);

— иные формы — по согласованию с сектором взысканий.

В случае неуплаты возможны меры принудительного взыскания согласно статье 7 ГНК: блокировка активов, квотирование солнечного света, частичная реквизиция Луны, а при повторных нарушениях — конфискация планеты с последующей перепрофилизацией под туристический астероид.

Основание для регистрации:

Автоматическая фиксация радиосигнала цивилизации.

Дата регистрации: 7 мая 1895 (земное летоисчисление).

Характер сигнала: «радиопередача А.С. Попова».

Статус: «с тех пор болтают без умолку».

Контакты для связи:

Галактическая налоговая инспекция, отдел по работе с молодыми цивилизациями.

Канал связи — электронный (автоматическая маршрутизация).

Время ответа на запрос — не более 1 стандартного цикла (12 земных дней).

С уважением,

Отдел по работе с молодыми цивилизациями

Галактическая налоговая инспекция

Приложение: Галактический налоговый кодекс, 37 284 109 страниц, файл 1 из 1.

Данное уведомление сформировано автоматически. Ответы на него не требуется — гораздо эффективнее просто заплатить».

7

Первая строка. Вторая. Третья.

Он читал медленно. Перечитывал цифры. Шесть миллиардов. Восемь миллиардов. Пени.

Штрафы.

— 131 год и 11 месяцев, — сказал он. — Это много. Можно отложить. Созвать комиссию.

Перенести на следующий бюджетный цикл.

— Андерс, — тихо сказала Эстер. — Читайте дальше.

Он прочитал дальше вслух:

«Срок уплаты.

Тридцать стандартных циклов с момента получения уведомления. В пересчёте на земное летоисчисление — двенадцать месяцев».

Волд замер.

— Год, — сказал он. — Они дают нам всего год?

— Да.

— Это не шутка.

— Похоже на то.

Волд дочитал письмо до конца. До подписи. До голограммы существа с четырнадцатью руками. До примечания: «Данное уведомление сформировано автоматически. Ответы на него не требуются. Оплата является подтверждением получения».

Он отложил планшет. Снял очки. Посмотрел на Эстер.

— Это бред, — сказал он.

— Я знаю.

— Восемь миллиардов галактических кредитов это сколько долларов?

— Я не знаю. Но вероятно это будет астрономическая сумма.

— Мы не можем заплатить. У нас сейчас пандемия на подходе и переезд в новый офис.

— Знаю.

— И они дают нам год.

— Да.

Волд встал. Подошёл к окну. За стеклом — Нью-Йорк. Обычный утренний Нью-Йорк. Машины ехали. Люди шли на работу. Кто-то покупал кофе. Кто-то опаздывал на метро. Мир жил своей обычной жизнью. И этот мир ещё не знает, что ему только что выставили счёт.

— Эстер, — сказал Волд, не оборачиваясь.

— Да?

— Что говорят астрономы?

— Какие астрономы?

— Те, которым я велел смотреть в телескопы.

— Вы никому не велели. Вы только что прочитали письмо. Вы даже не позвонили техническому советнику. Вы просто смотрите в окно уже три минуты.

Волд обернулся.

— Три минуты?

— Да.

— Мне показалось, прошёл час, — сказал он.

— Вам показалось.

Волд вернулся за стол. Сел. Посмотрел на планшет. Письмо всё ещё было открыто.

— Это не может быть правдой, — сказал он. — Это просто... кто-то пошутил. Хакеры. Или новый вид мошенничества. Или рекламная акция. Или...

— Или, — перебила Эстер, — это правда.

— Вы в это верите?

— Я не знаю, во что верить. Но я знаю, что письмо настоящее. Настолько, насколько может быть настоящее письмо, которое пришло из ниоткуда и которое содержит приложение. Объём файла Галактического налогового кодекса — тридцать семь миллионов двести восемьдесят четыре тысячи сто девять страниц. Вес — примерно один целых восемь десятых терабайта.

— Сколько? — Волд даже перестал моргать.

— Один и восемь терабайта, сэр. Сжато.

— ...А разжато?

— Порядка сорока петабайт. Я случайно попыталась открыть — наш сервер попросил политическое убежище.

Волд помолчал.

— Позвоните в Совет Безопасности, — сказал он. — Скажите, что у меня есть вопрос. Срочный.

— Какой вопрос?

Волд посмотрел на письмо. На цифры. На голограмму с четырнадцатью руками. На срок — один год.

— Спросите, кто из них знает, как платить налоги инопланетянам. И какой сейчас курс галактического кредита к доллару?

Эстер вышла.

Волд остался один.

8

Он взял остывший кофе. Сделал глоток. Кофе был горьким. Как всегда.

Он перечитал письмо в последний раз. Полностью. От первого слова до последней точки.

И перевел взгляд на стол.

Рядом — 47 подписанных отчётов. О климате. О беженцах. О санкциях. О проливах. О войнах.

О мире, который только что узнал, что его существование стоит денег. И оплатить их нужно через год.

Андерс Волд, Генеральный секретарь ООН, человек, который подписал за свою карьеру уже десять тысяч документов, которые ничего не изменили, сидел и смотрел на письмо.

Смутное чувство подсказывало, что это начало чего-то абсолютно нового.

Волд закрыл планшет.

Он не позвонил астрономам. Он не попросил спутники навестись на дальнюю орбиту. Он не запросил данные с телескопов.

Он всё ещё думал, что это шутка.

Очень плохая. Очень дорогая. Очень... не вовремя.

Но шутка.

Эстер вернулась через пять минут.

— Все беспокоятся о вашем здоровье. Совет Безопасности соберётся через час, — сказала она. — Они спросили, насколько это срочно.

— И что вы ответили?

— Сказала, что речь идёт о существовании планеты.

Волд кивнул.

— Хороший ответ. Как обычно. Не стоит их волновать заранее.

Он встал. Поправил галстук. Посмотрел в зеркало. На себя. На уставшие глаза. На седину в висках.

— Эстер, — сказал он.

— Да?

— Если это правда... если это не шутка... что мы будем делать?

Эстер помолчала.

— Не знаю, Андерс. Но у нас есть год. Это больше, чем ничего.

Волд посмотрел на письмо. На экране всё ещё горели цифры. 8 миллиардов. 12 месяцев.

Конфискация планеты.

— Год, — повторил он. — Против галактической налоговой.

— Да.

— Хорошо. — Он взял пиджак. — Пойдёмте. Посмотрим, кто из них умеет шутить лучше, чем эти... инопланетяне.

Он вышел в коридор.

За его спиной на столе осталось письмо. И 47 аккуратно подписанных отчётов.

Потому что Андерс Волд всё ещё думал, что это шутка.

Он ошибался.

Глава 1. Совет Безопасности

1

Совет Безопасности ООН собрался через час. Не потому, что все бросили дела — потому что все дела можно было просто бросить. Мир, в котором живёт человечество, устроен так: когда генсек говорит «срочно», все находят время. Даже китайцы. Даже американцы. Даже русские, у которых сейчас был полдень пятницы, а пятница в Москве — священное время для долгих обедов.

Представитель России, семидесятилетний дипломат по фамилии Морозов, вошёл в зал с неизменной папкой и неизменным выражением лица — «я всё знаю заранее и ничего не одобряю». Он был циником. Он был профессионалом. Он пережил шесть генсеков и двенадцать кризисов. Ничто не могло его удивить.

Сегодня он ошибся.

Представитель США, Линда Харрисон, была гораздо моложе. Сорок четыре года. Карьерный дипломат, бывший советник по национальной безопасности. Она говорила быстро, резала правду-матку и ненавидела, когда кто-то тратил её время. Она вошла в зал с планшетом в руке и кофе в термокружке.

— У меня через два часа встреча с госсекретарём, — сказала она вместо приветствия. — Давайте быстро.

Представитель Китая, Вэй Чжэн, был классическим продуктом китайской дипломатической школы. Безупречный костюм. Безупречная выдержка. Безупречное непонимание английского, когда это было выгодно. Он сел на своё место, разложил бумаги и замер. Ждал.

Британия, Франция — постоянные члены. Плюс ротация: Германия, Япония, Индия, Бразилия, Нигерия, ещё несколько стран, которые сегодня были «приглашёнными». Всего — пятнадцать мест за круглым столом. Пятнадцать человек, которые представляли девять целых девятьсот девяносто девять тысячных миллиардов.

Никто не знал, зачем их собрали.

2

Волд вошёл ровно в 10:00.

Он не любил опаздывать. Опоздания — это неуважение. А неуважение в его работе было роскошью, которую он не мог себе позволить. Он шёл медленно, держа в руке планшет с письмом. Никаких бумаг. Никаких папок. Только планшет.

Он сел во главе стола. Посмотрел на пятнадцать лиц. На Морозова с его вечной папкой. На Харрисон с её кофе. На Вэя с его каменным лицом.

— Господа, — сказал он. — У нас проблема.

Морозов чуть приподнял бровь. Это был его максимум удивления.

— Я получил письмо, — продолжил Волд. — Сегодня утром. По электронной почте. От организации, которая называет себя «Галактическая налоговая инспекция».

Тишина. Не та тишина, когда все потрясены. Та тишина, когда все думают, что ослышались.

— Простите? — сказала Харрисон. — Галактическая что?

— Налоговая инспекция, — повторил Волд. — Я знаю, как это звучит.

— Это звучит как бред, — сказал Морозов. — Вы нас собрали из-за спама?

— Я собрал вас, — Волд говорил спокойно, почти монотонно, — потому что письмо прошло проверку. Технический советник подтвердил: это не вирус. Военная разведка не может определить источник. Электронная подпись подлинная. Сертификаты — настоящие.

— Хакеры, — сказала Харрисон. — Китайские. Или русские. Или северокорейские.

— Хакеры не могут создать IP-адрес, которого не существует, — ответил Волд. — Хакеры не могут зашифровать письмо так, чтобы наша разведка не смогла его взломать. Хакеры не могут... — он запнулся, — ...приложить к письму документ объёмом 37 миллионов страниц.

— 37 миллионов? — переспросил Вэй Чжэн. Впервые подал голос.

— Галактический налоговый кодекс. Прилагается к уведомлению. На всех языках. Включая китайский.

Вэй замолчал. Это была его версия удивления.

3

Волд развернул планшет. Вывел письмо на большой экран.

— Я зачитаю. Кратко.

Он читал. Цифры. Сроки. Пени. Штрафы. Конфискация планеты.

Зал слушал молча.

Когда он закончил, Харрисон первой нарушила тишину.

— Речь идет о восьми миллиардах галактических кредитов, — сказала она. — Это... совсем немного.

— Мы пока не знаем сколько это, но думаю, что если налоги не платили более 100 лет, эта сумма может быть внушительна, — уточнил Волд.

— И они дают нам год.

— Да.

— А что будет, если мы не заплатим?

Волд перечитал последний абзац.

— «Конфискация планеты».

— То есть они хотят... забрать Землю?

— Да.

— Кто? — спросил Морозов. — Кто хочет забрать Землю?

— Галактическая налоговая инспекция.

— Это не ответ. Кто за ней стоит? Какая цивилизация? Какая армия? Какое у них оружие?

— Мы не знаем, — сказал Волд. — Мы ничего не знаем. Мы знаем только то, что написано в письме.

— И вы ему верите? — Морозов усмехнулся. — Андерс, вы серьёзно? Какое-то письмо из интернета, и вы уже готовы поверить, что инопланетяне требуют с нас налоги?

— Я не верю, — сказал Волд. — Я проверяю.

— Как?

— Я отправил запрос военным. Попросил навести спутники на дальнюю орбиту. Проверить, нет ли там чего-нибудь необычного.

— И? — спросила Харрисон.

— Результаты будут через несколько часов. Но я хотел, чтобы вы знали раньше.

— Знать что? — спросил представитель Британии. — Что какой-то хакер прислал нам счёт на восемь миллиардов непонятно чего?

— Знать, — Волд посмотрел на него, — что если это не хакер, у нас есть год.

4

Дискуссия длилась два часа.

Морозов настаивал, что это мошенничество. «Классическая «схема Долиной», — говорил он. — Вам звонят, представляются банком, говорят, что у вас долг. Здесь то же самое. Только масштаб побольше».

Харрисон предлагала провести расследование. «Мы должны понять, кто за этим стоит. Китай? Россия? Илон Маск? Кто угодно».

Вэй Чжэн хранил молчание. Он слушал. Он взвешивал. Он не верил, но и не отрицал. Китайская дипломатия не терпит поспешных выводов.

Представитель Франции спросил: «А что, если это правда?» Зал замолчал.

— Если это правда, — сказал Волд, — мы должны решить, как платить.

— Мы не можем платить, — сказала Харрисон. — У нас нет их денег.

— Тогда мы должны договориться.

— С кем? С призраками?

— С теми, кто прислал письмо.

— А если они не хотят договариваться?

— Тогда мы потеряем планету.

Тишина.

— Это безумие, — сказал Морозов. — Мы обсуждаем письмо из интернета, как будто это ультиматум инопланетного вторжения.

— А если это он и есть? — спросил Волд.

Никто не ответил.

5

В 12:15 зазвонил красный телефон Волда. Прямая линия с военными.

Он взял трубку. Слушал минуту. Не сказал ни слова. Положил.

— Спутники что-то нашли, — сказал он.

— Что? — спросила Харрисон.

— Объект. За орбитой Луны. Чёрный. Размером с Нептун.

— Чего? — Морозов встал. — Какой Нептун? Откуда?

— Не знаю. Военные говорят, его точно не было еще три дня назад. Просто туда редко заглядывают. Появился из ниоткуда. Не двигается. Не излучает. Просто висит.

— Может, ошибка?

— Три разных спутника. Три разные системы. Одна и та же координата.

Волд включил экран. Чёрное пятно на фоне звёзд. Никаких деталей. Просто — отсутствие света.

— Это их корабль? — спросил представитель Японии.

— Или их здание, — сказал Волд. — Или их офис. Я не знаю.

— Что будем делать? — спросила Харрисон.

Волд посмотрел на Морозова. Тот молчал. Папка лежала на столе неоткрытой. Впервые за одиннадцать лет Морозов не знал, что сказать.

— Есть предложения? — спросил Волд.

Молчание.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда я предлагаю план.

6

План Волда был прост. До абсурда прост.

— Мы не можем заплатить, — сказал он. — Мы не можем воевать. Мы не можем игнорировать. Мы можем только говорить.

— С кем? — спросил Морозов.

— С ними. Мы отправим ответное письмо.

— На каком языке?

— На их. У нас есть кодекс. 37 миллионов страниц. В нём должны быть правила ведения переписки. Мы найдём. Мы изучим. Мы ответим.

— Сколько времени это займёт?

— Полгода. Может быть, больше.

— У нас год.

— Значит, будем работать быстрее.

Харрисон покачала головой.

— Это безумие. Мы не знаем их логику. Не знаем их ценности. Не знаем, что они считают оскорблением. Одно неверное слово — и они конфискуют планету раньше срока.

— А что вы предлагаете? — спросил Волд. — Ядерный удар по чёрному шару? Переговоры через соцсети? Молитвы?

Харрисон промолчала.

— Я предлагаю, — сказал Волд, — сделать то, что мы умеем лучше всего. Бюрократию. Мы создадим комитет. Мы изучим кодекс. Мы найдём дыры. Мы подадим апелляцию. Мы попросим отсрочку. Мы будем тянуть время. А пока будем тянуть — будем искать другие способы.

— Какие? — спросил Вэй Чжэн.

— Не знаю. Но год — это не вечность. Нам нужно начать. Предлагаю голосовать.

Совет Безопасности проголосовал. 14 «за». Один «против» — США.

Харрисон сказала: «Я не могу поддержать это безумие без санкции Вашингтона. Я передам ваше предложение президенту».

Волд кивнул. Он знал, что президент США согласится. Потому что у него не было другого выбора.

Заседание закончилось в 13:45.

Волд остался один в пустом зале.

7

Он смотрел на экран. Чёрный шар размером с Нептун. Точка в космосе, которая изменила всё.

— Эстер, — сказал он в пустоту.

— Да? — она стояла в дверях.

— Найдите лучших юристов. Лучших лингвистов. Лучших математиков. Лучших физиков. Лучших... таксистов. Соберите команду.

— Какую команду?

— Ту, которая будет читать 37 миллионов страниц налогового кодекса.

— Сколько человек?

— Не знаю. Много. Всех, кого найдёте.

— Бюджет?

— Любой.

— Срок?

— Вчера.

Эстер кивнула и вышла.

Волд остался один. С чёрным шаром на экране. С письмом на планшете. С восемью миллиардами людей, которые ещё не знали, что их существование стоит денег.

— Год, — сказал он вслух. — Всего один год.

Он встал. Поправил галстук. Выключил экран.

И пошёл готовить мир к тому, что его привычная реальность только что закончилась.

А новая — с налогами, чёрными шарами и галактической бюрократией — только началась.

Он понимал, что самое страшное впереди.

Но он ещё надеялся на великую мощь земной бюрократии.

Глава 2. Цифры

1

Комитет по изучению галактического налогового кодекса собрался в Женеве на пятый день после получения письма. Волд назвал его «Рабочая группа по межзвёздным обязательствам» — звучало скучно и официально, чтобы журналисты не заинтересовались раньше времени.

В группу вошли лучшие: профессор Дэвид Коэн (международное право), лауреат Нобелевской премии по физике Хироки Танака (энергетика), бывший министр финансов Германии Клаус Вебер (экономика) и тридцать шесть других экспертов. Им дали три недели, чтобы ответить на один вопрос: что такое галактический кредит и можем ли мы его заплатить?

— Через три недели я выхожу к миру, — сказал Волд на первом заседании. — Я должен знать, что сказать.

Эксперты разошлись по своим аудиториям. Три недели — это мало. Но они привыкли работать в режиме цейтнота. Кризисы не ждут.

2

Ответ пришёл на четырнадцатый день.

Хироки Танака, маленький, сутулый японец с вечно взъерошенными волосами, вошёл в кабинет Волда без стука. В руках у него был планшет. Лицо — серое.

— Мы поняли, что такое галактический кредит, — сказал он.

— И? — Волд отложил бумаги.

— Это единица энергии. Один кредит — это энергия, необходимая для перемещения одного атома водорода на один световой год в вакууме.

Волд подождал. Танака молчал.

— В цифрах? — подсказал Волд.

Танака повернул планшет.

— В пересчёте на наши единицы... один кредит — примерно $1,7 \times 10^{25}$ джоулей. Это в двести раз больше, чем вся энергия, которую человечество выработало за всю свою историю. За всю историю, мистер Волд. От первого костра до последней электростанции.

Волд снял очки.

— И это только один кредит?

— Один кредит, — подтвердил Танака. — А нам нужно 8,2 миллиарда.

В комнате повисла тишина. Волд медленно надел очки.

— То есть даже если мы превратим в энергию всё — всё, что у нас есть, — мы не сможем набрать и одного процента от одного процента долга?

— Ну кое-что сможем, — сказал Танака. — Я посчитал. Если мы сожжём все запасы угля, нефти, газа, урана, тория, если мы используем всю геотермальную, солнечную, ветровую энергию, если мы разберём на атомы всю планету — кору, мантию, ядро — и превратим массу в энергию по формуле Эйнштейна... мы получим примерно 5 миллиардов кредитов.

— Пять миллиардов, — пробормотал Волд. Это стоимость нашей планеты, а нам выставляют счет на восемь с лишним.

— Да. И это, если разобрать планету полностью. Если мы перестанем существовать. Атом за атомом. Тогда мы сможем заплатить чуть больше половины долга. Останется ещё три миллиарда.

Волд снял очки снова. Протёр их. Посмотрел на Танаку. Тот не шутил.

— То есть мы не можем заплатить даже ценой собственного уничтожения?

— Не можем, — сказал Танака. — Потому что, чтобы разобрать планету на атомы, нужна энергия. Замкнутый круг. Мы потратим больше, чем получим. Это простая физика.

Волд встал. Подошёл к окну. Женева, спокойная, размеренная, не знающая, что её только что приговорили к цифре.

— Никому не говорите, — сказал он. — Пока.

— Конечно.

Танака вышел. Волд остался один.

3

Через три дня пришёл экономист Клаус Вебер.

— У меня хорошие новости, — сказал он с порога.

Волд поднял голову.

— Правда?

— Если считать в деньгах — мы должны примерно 8,2 миллиарда триллионов долларов. Но это если переводить кредиты в доллары по нашей примитивной шкале. А если считать в ресурсах...

— Что если считать в ресурсах?

Вебер развернул график.

— Вся земная экономика — это примерно 100 триллионов долларов в год. Чтобы накопить 8,2 миллиарда триллионов, нам нужно работать 82 миллиона лет. Не тратя ничего на еду, войну, медицину. Просто производить и отдавать.

— Это плохие новости, Клаус. А вы говорили, что есть другие.

— Хорошие новости в том, что я нашёл способ заплатить меньше.

— Как?

— Мы можем заплатить не деньгами. Статья 13.4.7 — иные формы. Технологии, территории, ресурсы. Если мы отдадим им, скажем, Марс...

— Но Марс не наш. Мы до сих пор не основали там колонию и даже не воткнули флаг.

— Формально — да. Но они этого не знают. В галактическом праве нет понятия «формальной принадлежности». Есть понятие «фактического контроля». Мы контролируем Марс? Нет. Но мы можем сказать, что контролируем. Мы даже воевали с ним и победили, вспомните «Войну миров». Пришлем им отчеты наших зондов, наши фильмы, «Марсианина» и прочие. Уверен, они проверять не будут — у них нет разведки на Марсе.

— Вы предлагаете врать налоговой?

— Я предлагаю использовать все возможные дыры в кодексе. Их много. Я нашёл 47.

Волд посмотрел на Вебера. Немец говорил серьёзно.

— Какие есть еще дыры?

— Например, можно зайти с другой стороны, статья 8.2.3: «При оценке имущества должника учитываются только активы, находящиеся в пределах его звёздной системы, подтвержденные актом инспекции». У них нет акта инспекции. Они нас не инспектировали. Значит, на бумаге у нас нет активов.

— То есть мы бедные?

— По их документам — да. У нас нет ничего. Ноль активов. Ноль доходов. Ноль имущества.

— И что это даёт?

— Это даёт нам возможность говорить о статусе банкрота. Если у тебя нет активов, ты не можешь платить. Долг списывается. Или реструктуризируется.

Волд задумался.

— Это работает?

— На Земле — да. В галактике — не знаю. По идее их законы должны быть более совершенными. Кодекс не запрещает. Но и прямо не разрешает. Серая зона.

— Будем пробовать, — сказал Волд. — Готовьте документы.

4

На восемнадцатый день после получения письма произошло то, чего Волд боялся больше всего.

Объект приблизился к орбите Земли.

Не корабль в привычном смысле. Не станция. Не астероид. Что-то огромное, чёрное, идеально гладкое и непонятное. Одним словом, Галактическое налоговое возмездие. Оно висело за Луной, закрывая звёзды. Спутники зафиксировали его в 3:15 утра по Гринвичу.

Первым забил тревогу американский военный спутник. Через минуту — русский. Через два — китайский. К 4:00 утра объект был подтверждён тремя независимыми системами.

Размер: примерно 50 000 километров в диаметре. Чуть меньше Нептуна. Чуть больше Земли.

В 4:30 Волду позвонил председатель Объединённого комитета начальников штабов США.

— Она там, — сказал генерал. — Мы не знаем, откуда она взялась. Мы не знаем, как она там оказалась. Но оно там.

— Она движется? — спросил Волд.

— Нет. Просто висит на месте. Эта ваша налоговая выглядит точно как Звезда Смерти, только раз в сто больше.

— У нее есть оружие?

— Не знаем. Она ничего не излучает. Ни тепла, ни радиации, ни сигналов. Просто чёрное пятно.

— Это точно они?

— Думаю, да.

Волд положил трубку. Посмотрел на часы. 4:32. За окном — темнота. Где-то там, за Луной, висит объект размером с планету. И никто не знает, что внутри.

— Эстер, — сказал он в пустоту.

Она вошла почти сразу. Не спала. Как и он.

— Я знаю, — сказала она.

— Отмените всё. Завтра — пресс-конференция. Я должен сказать им.

— Вы уверены?

— Нет. Но если я не скажу — скажут другие. А другие скажут хуже.

Эстер кивнула и вышла.

5

Пресс-конференция началась в 10:00 утра по женеvскому времени.

Зал был переполнен. Журналисты со всего мира — от CNN до «Аль-Джазирь», от «Синьхуа» до «России-1». Камеры, микрофоны, прожекторы. Лица — напряжённые, жадные, испуганные.

Волд вышел на трибуну ровно в 10:00. Без опозданий. Без бумажек. Только планшет и флаг ООН за спиной.

— Уважаемые представители средств массовой информации, — начал он. — Я здесь, чтобы ответить на вопросы, которые волнуют всех. Я буду краток. Потом — вопросы.

Он перечислил факты. Холодно. Чётко. Как доклад.

— Пятнадцать дней назад ООН получила уведомление от организации, называющей себя «Галактическая налоговая инспекция». Содержание уведомления: Земля имеет задолженность по налогам в размере 8 247 228 487 галактических кредитов. Срок уплаты — двенадцать месяцев. В случае неуплаты — конфискация планеты.

В зале — тишина. Кто-то ахнул, но сразу замолчал.

— Мы создали рабочую группу из ведущих учёных и юристов. Группа установила, что один галактический кредит эквивалентен энергии, в двести раз превышающей всю энергию, выработанную человечеством за всю историю.

Тишина стала другой. Тяжёлой.

— Общая задолженность в 8,2 миллиарда кредитов... — Волд сделал паузу. — ...в 1,6 триллиона раз превышает все энергетические ресурсы планеты Земля. Включая гипотетическую полную конверсию массы планеты в энергию.

— Что это значит? — крикнул кто-то из зала.

— Это значит, — сказал Волд, — что мы не можем заплатить. Даже теоретически. Даже ценой собственного уничтожения.

Зал взорвался.

6

Волд поднял руку.

— Я понимаю вашу реакцию. Но прошу дослушать.

Он говорил ещё десять минут. О том, что создан комитет по изучению кодекса. О том, что найдены юридические лазейки. О том, что ведутся переговоры (это было преувеличением, но он позволил себе). О том, что паника не поможет.

— Мы решим эту проблему, — сказал он в конце. — Мы всегда решали. Решим и сейчас.

— Объект на орбите! — крикнул корреспондент Би-би-си. — Что это?

— Мы не знаем, — честно ответил Волд. — Но предполагаем, что он связан с уведомлением.

— Это военный корабль?

— У нас нет информации.

— Он угрожает Земле?

— У нас нет информации.

— Когда вы получите информацию?

— Когда она появится.

Каждый ответ «не знаю» был как удар. Журналисты записывали, переглядывались, отправляли сообщения в редакции. Волд видел их пальцы, бегающие по экранам телефонов. Он знал, что происходит. Новости летят быстрее света. Кризис разгоняется.

— Последний вопрос, — сказал он.

— Что мы можем сделать прямо сейчас? — спросила женщина из «Вашингтон пост».

Волд посмотрел на неё. На зал. На камеры. На миллиарды глаз, которые смотрели на него в этот момент.

— Прямо сейчас? — повторил он. — Ничего. Мы работаем. Ваша задача — не поддаваться панике.

Он вышел из-за трибуны. Не ответил на выкрики. Не обернулся.

7

Паника началась через три часа.

Не потому, что Волд сказал что-то страшное. А потому, что он не сказал ничего утешительного. «Не знаю», «нет информации», «ничего не можем сделать» — эти фразы прозвучали как приговор.

К вечеру улицы крупных городов заполнились людьми. Не протестующими. Не радующимися. Просто — растерянными. Они стояли и смотрели в небо. Там, за дневным светом, за облаками, за Луной, висело что-то огромное. Чёрное. Немое. И самое страшное, что оно уже имело аналог названия, пришедшее из «Звездных войн» — Звезда смерти.

В Москве толпа у Кремля скандировала: «Требуем ответа!» В Нью-Йорке — «Они нас продали!» В Пекине — тишина. Китайцы ждали указаний. Их правительство хранило молчание. Это пугало ещё больше.

Волд смотрел новости в своём кабинете. Эстер сидела рядом.

— Мы теряем контроль, — сказала она.

— Мы его никогда не имели, — ответил Волд. — Мы просто делали вид.

На экране репортаж из России — женщина в супермаркете. Она скупает гречку. Лицо — белое, глаза — пустые. Рядом — мужчина с тележкой, полной воды. Дальше — драка за пачку соли.

— Они скупают продукты, — сказала Эстер. — Как будто налоговая заберёт у них гречку.

— Люди всегда скупают еду, когда страшно, — сказал Волд. — Это единственное, что они могут контролировать. Наполнить тележку. Закрыть дверь. Спрятаться. Остальное — не от них зависит.

Он выключил телевизор.

— Завтра будет хуже, — сказал он. — Послезавтра — ещё хуже. А через неделю начнутся погромы.

— Что будем делать?

— Работать. У нас есть одиннадцать с половиной месяцев. Это не много. Но и не мало.

Волд взял планшет. Открыл кодекс. 37 миллионов страниц. Где-то там, среди этих страниц, был ответ. Или не было. Но другого выбора у него не было.

— Эстер, — сказал он. — Соедините меня с Москвой. И с Пекином. И с Вашингтоном. Пора поговорить серьёзно.

— О чём?

— О том, как платить налоги, когда у тебя нет денег.

За окном смеркалось. Женева готовилась к ночи. А где-то над Луной висел чёрный шар размером с планету. И ждал.

Глава 3. Звезда Смерти

1

Объект заговорил на следующий день после своего эффектного появления вблизи орбиты Земли. Не через радиопередатчики. Не через электронную почту. Голос звучал прямо в головах. Каждый слышал на своём языке. Даже глухие слышали. Даже младенцы — те просто переставали плакать и слушали.

Голос был механическим. Без интонаций. Без пола. Без возраста. Он звучал ровно 4 минуты 17 секунд.

«Граждане планеты Земля. Я — инфраструктурный комплекс Галактической налоговой инспекции, бортовой номер ГИ-8472.

Ваша задолженность по основному платежу составляет шесть миллиардов сорок семь миллионов двести двадцать пять тысяч четыреста восемьдесят восемь галактических кредитов.

Пени за просрочку — один миллиард двести миллионов четыре тысячи кредитов.

Штраф за нарушение порядка регистрации цивилизации — девятьсот девяносто девять миллионов девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять кредитов.

Общая сумма к оплате — восемь миллиардов двести сорок семь миллионов двести двадцать девять тысяч четыреста восемьдесят семь галактических кредитов.

В настоящее время для вас действуют льготные условия оплаты — приблизительно один триллион долларов США за один галактический кредит.

Общая сумма задолженности в долларовом эквиваленте: восемь септиллионов двести сорок семь секстиллионов двести двадцать девять квинтиллионов четыреста восемьдесят семь квадриллионов долларов США.

Срок уплаты — тридцать стандартных циклов, что составляет двенадцать земных месяцев с момента получения уведомления.

В случае неуплаты — принудительное взыскание. Конфискация планеты. Переселение биологических объектов в резервации. Демонтаж инфраструктуры.

Способы оплаты: кредиты, ресурсы, территории, технологии, интеллектуальная собственность, трудовые ресурсы (биологические объекты), иные формы по согласованию».

Голос замолчал.

Пауза длилась ровно три секунды.

А потом голос заговорил снова. Но уже с нотками... энтузиазма: **«Галактическая налоговая инспекция спешит сообщить вам о наших новых партнёрских предложениях!**

Только сегодня и только для планет-должников первого уровня!

При полной или частичной оплате задолженности — мы дарим вам скидку на переезд в резервации! Целых 0,5 % на услуги по демонтажу вашей инфраструктуры!

Не упустите возможность сэкономить!

Успейте забронировать! Количество мест ограничено!

Помните: налоги — это не просто обязанность. Это привилегия. Привилегия быть частью единой галактической семьи.

Спасибо за внимание! Вы прослушали сообщение Галактической налоговой инспекции. Ждём вас — в наших резервациях!»

Над Землёй повисла тишина. Такая, какой не было никогда. Даже птицы замолчали. Даже океан притих. Даже ветер, казалось, боялся дышать.

А потом мир выдохнул.

2

Информационные таблоиды заполнили тексты сообщений Галактической налоговой инспекции с официальным курсом галактического кредита к доллару США и возможными прогнозами его дальнейшей стоимости. Тысячи экспертов комментировали происходящее.

Астрономы говорили: «Это аномалия». Военные говорили: «Это угроза». Политики говорили: «Это вызов».

Интернет сказал: «Звезда Смерти».

Название прилипло мгновенно. Ещё до того, как объект заговорил, его уже так окрестили. Сравнение было слишком очевидным: огромная чёрная сфера на орбите, угрожающая планете. Любог, кто смотрел «Звёздных войны» узнал бы её мгновенно.

Через два часа, после того, как объект связался с людьми, по соцсетям разлетелось видео.

Парень в полном костюме Дарта Вейдера стоял на крыше ларька «Шаурма» в Москве. В руках у него была красная светящаяся палка — световой меч, конечно, просто дешёвая игрушка из магазина. Но смотрелось очень эффектно.

Он поднимал палку к небу. И орал:

— Я — твой отец!

Толпа внизу аплодировала. Кто-то смеялся. Кто-то свистел. Кто-то испуганно крестился. Видео набрало 100 миллионов просмотров за шесть часов.

Уже через пару часов в Москве, Нью-Йорке, Лондоне, Токио, Сиднее сотни людей в чёрных плащах и шлемах выходили на улицы, поднимали красные палки к небу и кричали что-нибудь из «Звёздных войн». Кто-то — «Да пребудет с тобой Сила». Кто-то — «Империя нанесёт ответный удар». Кто-то просто тяжело дышал через маску, изображая знаменитое «вжух-вжух».

Полиция сначала не знала, что с ними делать. Арестовывать? За что? За косплей? За неподобающее поведение во время апокалипсиса?

К исходу дня стало ясно: одними Вейдерами дело не ограничится.

Первые штурмовики появились в Лос-Анджелесе. Целая рота в белой броне, с бластерами (игрушечными, но похожими) и в шлемах с характерными глазницами. Они маршировали по бульвару Санта-Моники в идеальном строю. Никто не знал, откуда они взялись и куда направляются.

— Мы не можем пропустить апокалипсис, — сказал один из штурмовиков в интервью. — Если уж умирать, то сражаясь.

Это интервью облетело весь мир. И началось.

К ночи штурмовиков было уже сотни тысяч. Они выходили на улицы городов группами по пять-десять человек. Маршировали. Строились в шеренги. Отдавали честь прохожим. Иногда — стреляли из бластеров. Игрушечных. Звук был смешной: «пью-пью-пью». Дети визжали от восторга.

Полиция пыталась регулировать движение штурмовиков. Но штурмовики не подчинялись. Не потому, что были агрессивными, а потому что в шлемах было плохо видно. Они натыкались на столбы, падали в люки, врезались друг в друга. Это было комично.

Появление джедаев было неизбежно.

Империя не может существовать без сопротивления. Если есть Вейдеры и штурмовики, должны быть те, кто с ними борется.

Первые джедаи вышли на улицы Сан-Франциско. Они были в коричневых плащах, с синими и зелёными игрушечными световыми мечами. Они не маршировали. Они двигались плавно, как будто в замедленной съёмке. Это выглядело нелепо. Но эффектно.

— Да пребудет с нами Сила, — сказал один джедай в интервью. — Мы не позволим империи забрать нашу планету.

Джедаев становилось всё больше. Они вступали в перепалки со штурмовиками. Сначала словесные. Иногда — с игрушечными мечами. Начались эпические битвы на парковках у супермаркетов. Штурмовики падали с криками «А-а-а!». Джедаи делали сальто (как правило неудачно). Прохожие аплодировали.

Полиция пыталась разнимать эпических противников, но нерешительно. Им пока не дали четких инструкций на этот счет, а также полиция не знала, чью сторону нужно поддерживать.

— Это гражданская война, — сказал мэр Чикаго. — Гражданская война «Звёздных войн».

Самое гениальное произошло ночью.

Парень из Сиэтла по имени Марк переоборудовал свой старый пылесос Roomba в R2-D2. Он приклеил к нему полусферу из пластика, нарисовал синие и серебряные полоски, приделал мигающий фонарик и записал звуки из фильма. Пылесос пищал, крутился и ездил по улице, изображая легендарного дроида.

Утром R2-D2 из пылесосов появились по всему миру. Теперь R2-D2 выезжали на улицы вместе с джедаями и штурмовиками. Они пищали, кружились, натывались на бордюры, блокировали движение на дорогах. Собаки лаяли и мочились на них.

— Это лучшее, что случилось с этим миром, — сказал один из R2-D2-владельцев. — Мой пылесос теперь важнее, чем ООН.

— Чем вы займетесь теперь? — спросил журналист.

— Ничем. У нас апокалипсис. Какая разница?

Журналист не нашёлся, что ответить.

3

К исходу второго дня улицы всех крупных городов превратились в декорации к «Звёздным войнам».

Штурмовики в белой броне патрулировали парки. Джедаи в коричневых плащах сидели в позе лотоса на площадях. Вейдеры стояли на крышах и тяжело дышали в динамики. R2-D2 из пылесосов катались между ног прохожих, пища и мигая. К ним добавились и другие персонажи.

Появились принцессы Леи в белых платьях и с булочками на ушах.

Появились Чубакки. Огромные парни в коричневых костюмах из искусственного меха. Им было жарко. Они потели, но не снимали костюмы. Появились Йоды. Маленькие, зелёные (крашенные), с палками. Они медленно ходили и говорили задом наперёд: «Планету спасти, вы должны». Всё это было невыносимо мило и глупо. Но в целом пока не выглядело агрессивно.

Вечером случилось то, чего все боялись.

Группа штурмовиков (около 300 человек) встретилась с группой джедаев (около 200 человек) на Таймс-сквер. Встреча была случайной. Штурмовики маршировали. Джедаи медитировали. Кто-то из штурмовиков споткнулся и упал на джедая.

— Пью-пью-пью! — крикнул штурмовик.

— Вжух-вжух! — ответил джедай.

И началось.

Триста штурмовиков против двухсот джедаев. К ним присоединились Вейдеры (на стороне империи), Чубакки (на стороне повстанцев), несколько принцесс Леи (стреляли из бластеров в обе стороны, потому что не разобрались, кто за кого) и десятки пылесосов R2-D2, которые просто катались под ногами и пищали.

Полиция вызвала подкрепление. Подкрепление приехало через десять минут. К тому времени битва закончилась. Победили джедаи: несмотря на малочисленность им помогло то, что костюмы им не мешали. К моменту прибытия полиции, все штурмовики лежали на асфальте, большинство были серьезно ранены, некоторые убиты. Вейдеры стояли на коленях, тяжело дыша. Чубакки обнимались с принцессами и пили пиво. Пылесосы разъехались кто куда.

— Это был хаос, — сказал полицейский. — Но, чёрт возьми, это было красиво.

4

Битва на Таймс-сквер стала спусковым крючком.

К полуночи погромы охватили уже весь Нью-Йорк. Штурмовики громили магазины, которые отказывались продавать белую краску. Джедаи поджигали машины имперских цветов — чёрные и белые. Вейдеры крушили все подряд. Толпа персонажей неопределенной принадлежности били витрины магазинов электроники — и уже на месте модифицировала пылесосы. Армия R2-D2 росла.

В Чикаго штурмовики захватили полицейский участок. Полицейские не сопротивлялись — уже никто не мог понять, кто кого арестовывает.

В Лондоне Вейдеры перекрыли Тауэрский мост. Они требовали, чтобы король Англии объявил себя ситхом.

В Париже тысячи джедаев и штурмовиков сошлись у Эйфелевой башни. Битва длилась два часа. Полиция так и не приехала.

В Москве штурмовики попытались захватить Красную площадь. Джедаи встретили их у Исторического музея. Битва была короткой и жестокой — потому что на сторону джедаев встали казаки с нагайками. Штурмовики побежали.

К утру следующего дня во всех крупных городах были зафиксированы стычки, погромы и столкновения с полицией. Полиция пыталась наводить порядок. Россия полностью заблокировала интернет. Китай ввел комендантский час. США призвали национальную гвардию. Европа закрыла границы.

В больницах не хватало мест для раненых. В моргах — для мёртвых. Погибали не от игрушечных мечей — от сердечных приступов, от падений с высоты, от того, что толпа в панике топтала тех, кто не успел увернуться. Пылесосы чадил в переулках, оставляя после себя запах горелого пластика.

Мир сошёл с ума за 40 часов.

Глава 4. Пять способов не платить Галактике

1

Совет Безопасности ООН собрался через сорок два часа после всеобщего обращения Галактической налоговой к гражданам Земли. На этот раз — в подземном бункере в Женеве. На поверхности было небезопасно: толпы паникующих граждан, агрессивные и вышедшие из-под контроля адепты «Звёздных войн» со своими пылесосами, мародёры, религиозные фанатики, которые объявили объект Армагеддоном.

В бункере было холодно, пахло бетоном и страхом. Журналистов не пустили — решили, что они будут только мешать паниковать профессионально. На бетонной стене сиротливо висел плакат фильма «Бункер» с Гитлером. Зачем? Никто не знал, но, возможно, это было сделано намеренно.

За столом — постоянные члены Совбеза: США, Россия, Китай, Великобритания, Франция. Плюс приглашённые: Германия, Япония, Индия, Бразилия, ЮАР. Плюс военные советники, физики, один психиатр. Плюс — неожиданно — представитель Северной Кореи. Его не приглашали. Он пришёл сам. Охрана не стала спорить. В такой день спорить не хотелось.

Генеральный секретарь ООН без всяких приветствий открыл заседание.

— Мы слышали то же, что и вы. Объект идентифицировал себя как инфраструктуру налоговой. Он дал нам двенадцать месяцев. Он перечислил способы оплаты. Он упомянул конфискацию и резервации. Вопрос один: что мы делаем?

Представитель США поднялся первым.

— У нас есть военный вариант. Мы предлагаем немедленно нанести удар по объекту.

— Какой удар? — спросил генеральный секретарь.

— Всем, что есть. Все ядерные боеголовки мира. Объединённый удар. Русские, китайцы, французы, британцы, корейцы — все вместе. Мы никогда не были едины, но сейчас момент настал.

— Вы представляете себе размер объекта? — спросил физик из CERN, приглашённый в качестве эксперта.

— Планета размером с Нептун, — ответил американский военный советник. — Мы знаем.

— У нас нет бомбы, которая уничтожит Нептун, — сказал физик. — У нас нет даже бомбы, которая оставит царапину на Нептуне. Максимум — мы создадим кратер размером с Техас. Объект этого даже не заметит.

— А если все бомбы одновременно? У нас же их очень много, — вмешался представитель России.

— Тогда кратер будет размером с Россию. Нептун этого тоже не заметит.

— Но мы покажем, что мы не сдаёмся!

— Кому? — спросил физик. — Объекту? Вы же слышали, он назвал себя инфраструктурный комплекс. Он бездушная машина. Ему всё равно.

— А если мы промахнёмся? — вмешался представитель Китая. — Если бомбы упадут обратно на Луну? Или на Землю?

— Риск минимален, — сказал генеральный секретарь НАТО. — Системы наведения точные.

— «Минимален» — это не ноль, — ответил Китай. — Я против ядерного удара.

— Я тоже, — сказала Великобритания. — Это бессмысленно и опасно.

— Поддерживаю, — сказала Франция.

— Россия? — спросил генеральный секретарь.

Представитель РФ молчал. Он смотрел в стол. Потом поднял глаза.

— Мы не верим в «космическое арбитражное право», — сказал он. — Мы не знаем, кто это и откуда. Может быть, это новый вид оружия. Может быть, это тест. Может быть, это ложь. Но мы знаем одно: если мы ударим, а они ответят — мы проиграем. Если мы не ударим — мы тоже проиграем. Но у нас есть ещё время. Я предлагаю не торопиться.

— Вы за удар или против? — уточнил генеральный секретарь.

— Я за то, чтобы не принимать решений в панике.

Американский представитель усмехнулся.

— Русские всегда за «не торопиться». А когда торопиться? Когда планета будет конфискована?

— Мы выражаем глубокую озабоченность.

2

Слово взял представитель Китая.

— Мы предлагаем другой подход. Они назвали себя налоговой инспекцией. Налоговая — это бюрократия. Бюрократия любит документы, процедуры, прецеденты. Мы должны говорить с ними на их языке. Мы должны подать апелляцию.

— Апелляцию? — переспросил американский военный. — Вы хотите обжаловать налог?

— Да. Они зарегистрировали нас автоматически при первом радиосигнале. Но в их кодексе, который они прислали, есть пункт 14.2.1. Мы его изучили. — Китайский представитель достал распечатку. — «Автоматическая регистрация вступает в силу только при условии, что цивилизация была уведомлена о последствиях». Мы не были уведомлены. Ни в 1895 году, когда Попов отправил первый сигнал, ни после. Следовательно, регистрация недействительна. Следовательно, долга нет.

— Вы думаете, они это примут? — спросила Германия.

— Они обязаны. Это их собственный кодекс. Бюрократия не может игнорировать свои же правила. Иначе рушится вся система.

— А если они найдут лазейку?

— Тогда мы найдём другую. В кодексе тридцать семь миллионов страниц. В таком объёмном документе есть масса лазеек. Мы найдём.

Представитель США покачал головой.

— Вы наивны. Они не будут играть по правилам. Они — налоговая. Налоговые сами пишут правила.

— Тогда мы будем апеллировать к вышестоящей инстанции, — сказал Китай.

— Кто выше налоговой?

— Не знаю. Но что-то должно быть. Даже в галактике должна быть своя иерархия. Эти же налоги кто-то собирает, и, наверняка, эти налоги идут на поддержку их инфраструктуры и жителей галактики.

Американцы скептически хмыкнули, но не спорили.

— А что говорит Россия? — спросил генеральный секретарь.

Представитель РФ вздохнул.

— Я предлагаю не паниковать. Игнорировать — нет. Но и не бежать платить. Мы должны проверить. Отправить зонд. Попытаться связаться с другими цивилизациями. Узнать, реальна ли эта налоговая, какие у неё полномочия, или это просто... блеф.

— Блеф размером с Нептун? — усмехнулся американец.

— В космосе размер не имеет значения. Астероид размером с Нептун — это просто камень. Камень не конфискует планеты. Камень — это камень. А нам говорят, что это налоговая. Докажите.

Наступила небольшая пауза, которой воспользовался представитель Северной Кореи и попросил слова.

Никто не ожидал: до этого он просто сидел в углу, молчал, не пил кофе и с интересом листал «Playboy».

— Я хочу сказать, — начал он. Голос был тихим, но чётким. — Мы, народ Корейской Народно-Демократической Республики, считаем, что этот объект — порождение империалистического капитализма.

Все переглянулись.

— Объясните, — попросил генеральный секретарь.

— Налоги — это инструмент угнетения. Капиталисты придумали налоги, чтобы грабить свой народ. Галактическая налоговая инспекция — это тот же капитализм, только в космосе. Они хотят, чтобы мы платили. Но мы не будем платить. Мы будем опираться на чучхе.

— Чучхе? — переспросил американский военный.

— Да. Самостоятельность. Мы не признаём внешних долгов. Мы не признаём внешних судов. Мы не признаём внешних налогов. Планета Земля — это наша планета. И никто не имеет права её конфисковать.

— Вы предлагаете просто отказаться платить? — спросила Германия.

— Да.

— А если они применяют силу?

— Тогда мы применим силу в ответ. У нас есть своё ядерное оружие. Мы не боимся.

В бункере засмеялись. Нервно. Северная Корея со своим ядерным оружием против планеты размером с Нептун — это было абсурдно. Но в этом абсурде была своя логика.

— Вы хотя бы прочитали их кодекс? — спросил представитель Китая.

— Нет. Нам не нужно читать кодексы империалистов. У нас есть идеология.

— Спасибо, — сказал генеральный секретарь. — Мы учтём вашу позицию.

Представитель Северной Кореи сел на место и принялся дальше листать свой журнал.

Представитель России вздохнул.

— Мы разделяем озабоченность корейских товарищей по поводу внешнего давления, — сказала Россия, — но призываем к более взвешенному подходу.

3

В бункере снова повисла напряжённая тишина.

Волд понял, что настало его время.

— Господа, как вы знаете, нами была создана Рабочая группа по межзвёздным обязательствам, в которую вошли ведущие мировые представители в самых различных сферах, — с достоинством произнёс генеральный секретарь ООН. — У нас есть ещё одно предложение. Оно может показаться странным. Но, возможно, это единственный выход.

— Какое? — с интересом спросили США.

— Мы объявляем Землю банкротом.

Тишина. Потом шум. Потом снова тишина.

— Банкротом? — переспросила Великобритания.

— Да. Это юридическая процедура. Физическое лицо, которое не может платить по счетам, объявляет себя банкротом. Суд замораживает долги, назначает реструктуризацию. Часто долги списывают. Да, наша планета — не физическое лицо и даже не юридическое. Но наша планета — геологическое лицо.

— Скорее, космическое лицо без определённых признаков, — поправил Китай.

— Неважно. В любом случае мы коллективный должник первой степени. И мы можем принять закон, объявить Землю банкротом. В одностороннем порядке. Мы — суверенная планета. Мы имеем на это право.

— Вы думаете, налоговая признает наше банкротство? — спросила Франция.

— Они бюрократы. У них есть процедуры. Если мы подадим заявление, они будут обязаны его рассмотреть. А пока рассматривают — санкции, наверняка, будут приостановлены.

— Откуда вы знаете?

— Это логика. Любая бюрократия работает так. Если вы подали документ, они не могут вас трогать до его рассмотрения. Иначе — нарушение процедуры.

— А если у них нет такой процедуры?

— Тогда мы подаём жалобу на нарушение процедуры. Это бесконечная игра. Мы затянем время.

Представитель Китая кивнул.

— Это близко к нашей идее. Мы предлагаем апелляцию. Вы — банкротство. Может быть, мы можем сделать и то, и другое.

— И самое важное, — добавила Россия. — Мы будем готовиться к войне.

— С кем? — спросил американец. — С астероидом?

— С налоговой. У них есть инфраструктура. Любую инфраструктуру можно уничтожить.

— Мы только что обсуждали: ядерное оружие бесполезно.

— А мы и не говорим про ядерное. Есть другие способы: кибератаки, ЭМИ, акустический резонанс, перегрузка их каналов связи, гравитационные манёвры с астероидами. Мы не знаем их уязвимости. Но они есть у всех. В конце концов, даже в ваших «Звёздных войнах» Звезда Смерти была уничтожена одним метким попаданием.

— Вы предлагаете хакнуть налоговую?

— Я предлагаю не исключать ничего.

Представитель США поднялся снова. На этот раз — с планшетом. На экране был отсканированный документ: пожелтевший, с факсимильной подписью, похожей на завитушку.

— У нас есть кое-что, — сказал он. — Закон № 1776-Т «О защите национального несогласия». Был подписан сорок пятым президентом Дональдом Дж. Трампом в последний день его пребывания на посту — в три часа ночи, перед тем, как он улетел во Флориду.

— И что в нём? — спросил генеральный секретарь.

Американец прочитал вслух:

— «В целях сохранения величия Соединённых Штатов при любых обстоятельствах, включая обстоятельства, не предусмотренные Конституцией, я, Президент Соединённых Штатов, постановляю:

Статья 1. Если какая-либо страна вступает в спор с Соединёнными Штатами и отказывается признать их правоту, Америка получает право временно одолжить руководителя этой страны для изучения причин его заблуждения в условиях американской юрисдикции.

Статья 2. Если спор продолжается более трёх суток, США имеют право ввести санкции против самого времени, приостанавливая хронологию оппонента до подписания соглашения.

Статья 3. В случае полной дипломатической несовместимости президент может распорядиться строительством Стены Умиротворения вдоль любой границы — даже если географически она не совпадает с территорией США.

Статья 4. Все споры, объявленные „неамериканскими по стилю“, передаются на рассмотрение Специального Суда по Несогласию, где истцом и судьёй выступает Америка сама.

Закон считается непротиворечивым, пока в нём никто не сомневается».

В бункере повисла тишина. Потом кто-то хихикнул. Потом засмеялись все. Истерично.

— Санкции против времени? — выкрикнул представитель Франции. — Как можно ввести санкции против времени?

— Техническая деталь, — отмахнулся американец. — Главное — принцип. Мы не сдаёмся.

— А «одолжить руководителя»? — спросил представитель Китая. — Вы предлагаете похитить лидера Галактики? Мы его даже не знаем.

— Временное одолжение, — поправил американец. — Для изучения причин заблуждения.

— А если он откажется?

— Тогда спор переходит в стадию «неамериканского по стилю». Статья 4. Суд по несогласию. Мы сами и судьи, и истцы. Решение принимаем в свою пользу.

— Это же цирк, — сказал представитель Германии.

— Это закон, — ответил американец. — Подписанный президентом. И он нам поможет.

— Чем? — спросила Россия. — Мы имеем дело не со страной. Мы имеем дело с планетой-налоговой. Как вы примените к ней этот закон?

— Мы объявим объект «неамериканским по стилю», — сказал американец. — И построим Стену Умиротворения вдоль его орбиты.

— Вы не можете построить стену в космосе.

— Юридически можем. Статья 3 разрешает строить стену вдоль любой границы, даже если географически она не совпадает с территорией США. Космос — не география. Значит, подходит.

В бункере снова засмеялись. Но смех был нервным, почти больным.

— Это безумие, — сказал представитель Китая. — Вы предлагаете бороться с галактической налоговой стеной и санкциями против времени.

— А вы предлагаете платить?

— Мы предлагаем апелляцию.

— Апелляцию к кому? К тем, кто уже решил, что мы должны?

Генеральный секретарь громко ударил молотком и поднял руку.

— Господа, у нас есть как минимум пять основных подходов. Первый: военный удар — отклонён физиками как бессмысленный. Второй: переговоры и апелляция — Китай. Третий: банкротство. Четвёртый: игнорирование и подготовка к сопротивлению — Россия. Пятый: Закон Трампа — США. И, наконец, но это останется за регламентом, чучхе — Северная Корея. — Он вздохнул. — Нужно выбрать.

— Не нужно выбирать, — сказал представитель Китая. — Мы можем делать всё одновременно. У нас есть двенадцать месяцев. Это много. Мы подадим апелляцию. Мы объявим банкротство. Мы начнём переговоры. И параллельно будем искать их слабые места.

— А если они не дадут нам эти месяцы? — спросил американский военный. — Если они начнут конфискацию завтра?

— Тогда у нас не будет выбора, — сказал английский военный. — Мы будем сражаться. И проиграем. Но проиграем красиво.

— Красиво? — переспросил представитель России.

— Да. Как «Титаник». С поднятыми флагами. С оркестром. С последней бутылкой виски, которую мы разделим на всех перед тем, как уйдём на дно.

— Это глупо.

— Это честь, — ответил военный. — А честь — это единственное, что они не смогут у нас отнять. Потому что в их налоговых декларациях нет для неё графы.

В бункере снова стало тихо.

Генеральный секретарь посмотрел на часы.

— У нас есть время до завтрашнего утра. Завтра — голосование. А сейчас — технический перерыв. Всем нужно подумать.

Делегации разошлись по углам бункера. Шептались, спорили, звонили своим правительствам.

* * *

А над Землёй висел чёрный Нептун. Молчал и ждал.
Счётчик долга тихо тикал.

Глава 5. Бумажный поток

1

На следующее утро ООН собралась в особом, ускоренном и слегка паническом порядке. Мир катился в пропасть, а значит требовалось срочно разработать план падения.

Голосование заняло меньше часа — не потому что все согласились, а потому что спорить больше никто не мог. Даже микрофоны сдавались один за другим.

Из пяти генеральных подходов оставили два. Остальные признали неприличными, физически невозможными или настолько реалистичными, что обсуждать их было страшно.

Военный удар отклонили единогласно — физики из CERN в последний раз, с болью и скрипом зубов, объяснили, что инфраструктурный комплекс Галактической налоговой инспекции с бортовым номером ГИ-8472 таких размеров, что даже если взорвать всё — от первых рудиментарных бомб до старых боеголовок из музеев — «Звезда Смерти» максимум чихнёт. Игнорирование ситуации назвали элегантным самоубийством цивилизации. Так называемый «Закон Трампа» тоже не прошёл: хотя представители США заявили, они всё равно возведут стену в космосе, введут санкции против времени и создадут Суд по несогласию в закрытом юридическом пространстве.

Чучхе на голосование не выносили.

В итоге приняли два решения — оба блестяще бюрократические. Первое: готовить апелляции. Земля официально обжалует сам факт регистрации в галактической налоговой службе. Всё строилось на железном аргументе: нас не уведомили. Александр Попов, посылая свой первый радиосигнал в 1895 году, не подписывал форму согласия на обработку данных и не был предупреждён о возможных налоговых последствиях. Регистрация незаконна, долг ничтожен, штрафы — юридическая фантазмагория.

Второе решение: признать банкротство планеты. Рабочая группа по межзвёздным обязательствам и срочно сформированный Комитет по изучению галактического налогового кодекса должны подготовить заявление о неспособности Земли исполнять свои долговые обязательства перед Вселенной. Суть документа проста и страшна: мы не платёжеспособны. Даже если распродать всё, включая Луну, воздух и надежду; даже если трудиться до конца времён. Галактические кредиты — это физика, а земные деньги — религия с элементами статистики.

Штаб бюрократического сопротивления утвердили в Пекине. Москва и Вашингтон получили статус наблюдателей, что им категорически не понравилось, но возражать они не рискнули — протокол не предусматривал эмоций.

Подводя итоги, Генеральный секретарь ООН выпрямился, настороженно посмотрел в зал и ударил молотком.

— Приступаем, господа. Время не ждёт. И проценты — тоже.

2

Пока остальной мир паниковал, Китай действовал.

В подземном центре Штаба бюрократического сопротивления в Пекине собралась группа из двух миллионов лучших китайских IT-специалистов, юристов и бюрократов. Задача была простой и гениальной в своей прямоте: завалить налоговую сообщениями.

— Бюрократия, — сказал глава Штаба, товарищ Чэнь, — имеет один фатальный недостаток. Она не может игнорировать входящие документы. Каждый документ должен быть заре-

гистрирован, рассмотрен, на него должен быть дан ответ. Это требует времени и ресурсов. А время — это то, чего у нас почти нет. Но у них — тоже не бесконечно.

— У нас есть канал связи? — спросил ведущий IT-специалист.

— Электронная почта. Та самая, с которой пришло первое уведомление. Они её открыли.

Значит, принимают сообщения.

— Сколько сообщений мы можем отправить?

— Сколько угодно. Наши серверы выдержат. Вопрос в том, сколько они выдержат.

План был прост: отправить сто миллионов сообщений. Каждое — юридический запрос, возражение, уточнение, жалоба. Каждое — на отдельный пункт налогового кодекса. Каждое — с требованием ответа.

— Они захлебнутся, — сказал товарищ Чэнь. — Через неделю их система рухнет. Они будут вынуждены продлить срок или вступить в переговоры.

— А если у них бездонная система?

— Тогда мы отправим двести миллионов.

Никто не спорил. В Китае умели работать с размахом.

В 00:00 по пекинскому времени первый миллион сообщений ушёл в космос.

Каждое сообщение было идеально оформлено. Шапка. Тема. Номер пункта кодекса.

Текст возражения. Подпись. Печать. Всё по правилам.

Темы были разнообразными:

«Возражение на пункт 14.2.1: отсутствие уведомления»

«Запрос на предоставление копии регистрационного свидетельства»

«Уточнение: каков курс конвертации доллара США в галактический кредит?»

«Жалоба на неправомерное начисление пеней»

«Требование предоставить данные о налоговой базе»

«Запрос на проведение независимого аудита»

«Возражение на пункт 3.7.4: несоразмерность штрафа»

«Уведомление о назначении представителя Земли для переговоров»

И так далее. Миллион раз. Каждый раз — новый пункт, новый угол атаки.

Ровно через секунду на каждое сообщение приходил автоматический ответ:

«Ваше сообщение получено. Зарегистрировано. Номер входящего: ГИ-8472-VX-0000001. Ожидайте ответа».

Товарищ Чэнь довольно кивнул.

— Они читают. Продолжаем.

Второй миллион ушёл через час. Третий — через следующий. К концу первых суток налоговая получила 24 миллиона сообщений.

Автоматические ответы приходили исправно. На каждое сообщение — своя квитанция. Номера росли: ...24000024...24004048...24666072.

— Их система работает, — сказал ответственный IT-специалист с растущим беспокойством. — Она не падает.

— Продолжаем, — сказал Чэнь. — У них есть предел. У всего есть предел.

3

На третьи сутки Китай отправил 72 миллиона сообщений. Автоматические ответы всё ещё приходили. Но с задержкой. Сначала задержка была в 2 секунды. Потом в 5. Потом в 10. Потом в минуту.

— Они тормозят, — сказал IT-специалист радостно. — Система перегружается.

— Увеличиваем интенсивность, — приказал Чэнь. — Два миллиона в час.

На четвёртые сутки задержка достигла часа. Китай отправил 100 миллионов сообщений. Налоговая отвечала.

— Ещё немного, — сказал Чэнь. — Ещё немного, и она рухнет.

На пятые сутки задержка достигла уже трёх часов. Китай отправил 150 миллионов сообщений. Налоговая всё ещё отвечала. Монотонно. Механически. Без эмоций.

— Кто они такие? — спросил Чэнь. — Как у них хватает ресурсов?

— Это планета размером с Нептун, — напомнил ведущий IT-специалист. — У них вычислительные мощности побольше наших. Возможно, эта планета просто один большой компьютер.

— Тогда мы их всё равно завалим. Количеством. Отправляем три миллиона в час.

На шестые сутки, после 200 миллионов отправленных сообщений, налоговая перестала отвечать.

Не то чтобы совсем — она ответила один раз. Но этот ответ был явно не автоматическим.

Текст был коротким. Без номеров. Без шапок. Без печатей: «Сообщения от планеты Земля больше не принимаются. Канал связи закрыт для входящей корреспонденции. Все дальнейшие обращения — только через официального представителя. Официальный представитель не назначен. Назначьте официального представителя».

Автоматические ответы перестали приходить. Не с задержкой. Не с ошибкой. Просто — перестали. Как будто налоговая выключила приёмник.

Чэнь ждал час. Два. Три.

— Есть что-нибудь?

— Ничего, — ответил IT-специалист. — Канал пуст.

— Они сдались? — Чэнь не верил своему счастью. — Система рухнула?

— Не знаю. Но сообщения больше не проходят. Сервер возвращает ошибку: «Временно не принимаются».

— Временно?

— Да. «Временно не принимаются. Идёт обработка поступивших обращений».

В огромном зале центрального Штаба повисла пауза. А потом — взрыв радости. Это была всеобщая эйфория.

— Мы сделали это! — кричали специалисты. — Мы их положили!

Чэнь улыбнулся. Впервые за три дня. И попросил соединить с главным штабом в Женеве.

— Докладываю в ООН, — сказал он. — Канал связи с объектом парализован. Налоговая больше не принимает наши сообщения. У нас есть время.

Доклад ушёл в Нью-Йорк. В бункере ООН тоже обрадовались. Не то чтобы радость была всеобщей — скорее, истерическое облегчение. Но хотя бы что-то.

— Китайцы сделали это, — сказал Волд — Они завалили налоговую запросами. Система не выдержала.

— Надолго? — спросил представитель США.

— Неизвестно. Но сейчас сообщения не принимаются. Канал закрыт. Мы можем выдохнуть.

Выдохнули. Ненадолго.

4

Через шесть часов всё пошло под откос.

Началось с принтера в пекинском бункере. Он зажужжал. Выдал лист бумаги. Потом ещё один. Потом ещё. Потом ещё.

— Что это? — спросил Чэнь.

IT-специалист подошёл к принтеру. Взял первый лист.

«Ответ на обращение № ГИ-8472-ВХ-0000001. Тема: „Возражение на пункт 14.2.1: отсутствие уведомления“. Ваше возражение рассмотрено. Ответ: уведомление считается доставленным в момент первого контакта. Первый контакт — радиосигнал 1895 года. Дополнительные разъяснения прилагаются. Объём ответа — 47 страниц».

— Это ответ, — сказал IT-специалист. — Они отвечают.

— На одно сообщение?

— Нет. Судя по всему — на все.

Принтер не останавливался. Он печатал и печатал. Лист за листом. Страница за страницей. Через десять минут пол бункера был завален бумагой.

— Остановите его! — крикнул Чэнь.

IT-специалист попытался выключить принтер. Выключил. Принтер снова включился сам. Продолжил печатать.

— Он не выключается, — сказал IT-специалист. — Это уже не наш принтер. Это... они.

— Кто?

— Налоговая. Они транслируют ответы. На все наши сообщения. Через любой доступный канал.

В этот момент в бункере зазвонили все телефоны. Одновременно. Тысячи телефонов. Мобильные, стационарные, спутниковые. Все.

Чэнь поднял трубку.

— Алло?

Голос был механическим. Тот же, что с объекта.

«Ответ на обращение № ГИ-8472-ВХ-0000072. Тема: „Запрос на предоставление копии регистрационного свидетельства“. Копия регистрационного свидетельства прилагается. Объём ответа — 12 страниц. Для получения ответа в текстовом форме, пожалуйста, удерживайте линию».

Чэнь бросил трубку. Телефон не отключился. Голос продолжал говорить.

Он посмотрел на экраны компьютеров. На каждом — новые письма. Тысячи. Десятки тысяч. Каждое — ответ на их запросы. Каждое — объёмом от 5 до 100 страниц.

— Они отвечают на все, — прошептал IT-специалист. — На все 72 миллиона.

— Это невозможно, — сказал Чэнь. — У них нет столько ресурсов.

— У них планета размером с Нептун, — напомнил IT-специалист. — У них есть ресурсы.

К утру следующего дня связь на всей планете была парализована.

Налоговая выдержала. Не выдержала Земля.

Интернет-провайдеры по всему миру сообщали об аномальной нагрузке. Сотни петабайт данных шли из космоса. На каждый запрос, отправленный Китаем, налоговая отвечала развёрнутым ответом. Ответы были такими же длинными, как запросы. А иногда — длиннее.

Серверы Amazon, Google, Microsoft, Alibaba — все легли. Не потому, что были слабыми. Потому что их завалили данными. 72 миллиона ответов. Каждый ответ — в среднем 30 страниц. Итого — 2,16 миллиарда страниц текста и графиков. В байтах — около 10 петабайт. За один день.

— Они нас задавили, — сказал ответственный IT-специалист. — Не мы их — они нас.

Телефонные сети рухнули на второй день. Сотни миллионов звонков с автоматическими ответами заблокировали все линии. Даже экстренные службы не могли дозвониться друг до друга.

Факсы — кто их ещё помнил — работали круглосуточно. Они печатали ответы на бумаге. Бумага кончалась. Факсы начинали печатать на чём попало.

Принтеры взрывались. Буквально. Перегревались и загорались. Пожарные не могли приехать — их телефоны были заняты ответами налоговой.

Электронная почта перестала существовать как средство связи. Входящие ящики заполнялись за секунды. Ответы приходили быстрее, чем люди успевали их удалять. Системные администраторы плакали — их компьютеры зависли. Сравнительно не пострадала только Россия — там заранее отключили весь интернет.

— Мы должны это остановить, — сказал Чэнь. — Свяжитесь с объектом. Скажите им, чтобы они прекратили.

— Как? — спросил IT-специалист. — Все каналы связи заняты их ответами.

Чэнь посмотрел на потолок. Потом на горы бумаги, заваливающие бункер. Потом на телефоны, которые всё ещё звонили.

— Мы проиграли, — сказал он. — Не битву за планету. Битву за связь.

Через пять дней, когда нагрузка немного спала (не потому, что налоговая закончила отвечать — потому что на Земле просто не осталось устройств, способных принимать сигналы), Чэнь прилетел с докладом в Женеву в бункер центрального штаба ООН.

— Наш план провалился, — сказал он. — Налоговая ответила на каждое наше сообщение. Мы не завалили их. Они завалили нас.

— Да, мы видим. Что теперь? — спросил генеральный секретарь.

— Теперь мы не можем пользоваться связью. Никакой. Вся земная коммуникационная инфраструктура разрушена. Мы сами себя заблокировали.

— Надолго?

— Недели. Может быть, месяцы. Пока мы не восстановим серверы и не очистим очереди.

— А объект?

— Объект молчит. Он сделал своё дело. Ответил на все вопросы, включая даже те, которые мы ему не задавали. Теперь он видимо ждёт.

— Чего?

— Когда мы наконец зададим вопрос, на который он не знает ответа.

Генеральный секретарь закрыл глаза.

Чэнь ушёл в отставку. План А провалился. Однако было сделано одно открытие, которое пригодились.

Все поняли: с налоговой нельзя воевать количеством. На каждое твоё действие у них есть симметричный ответ. Ты посылаешь сто миллионов сообщений — она отвечает ста миллионами ответов. И у нее больше ресурсов.

5

Пока мир рушился, в другом подземном бункере в Пекине работала группа лучших юристов планеты. Триста двадцать один человек. Сто из Китая. Сто из США. Пятьдесят из Европы. Пятьдесят из России. Десять из Израиля. Десять из Индии. И один из Ватикана — «на случай, если потребуются божественное правосудие». Эта группа осуществляла план Б.

Ими руководил профессор Лю Вэй, специалист по международному праву, налоговому праву и, как он сам себя называл, «экстремальной бюрократии».

— Наша задача, — сказал Лю Вэй на первом совещании, — создать документ, который налоговая не сможет игнорировать. Но и не сможет быстро обработать. Мы должны не просто перегрузить их систему. Мы должны сбросить их настройки до заводских. Похоронить под возмражениями.

— У нас год, — напомнил американский юрист.

— Мы уложимся в месяц, — ответил Лю. — Работаем круглосуточно.

Документ назвали «Заявление о банкротстве планеты Земля с приложениями и возражениями». В черновике — план для 37 миллионов страниц. Ровно столько же, сколько страниц в Галактическом налоговом кодексе.

«Мы отвечаем им их же оружием, — сказал Лю. — Кодекс на кодекс. Страница на страницу. Пункт на пункт».

Основные тезисы заявления постарались сделать простыми. Такими простыми, что любой ребёнок мог их понять. Но юристы облекли их в 37 миллионов страниц.

Тезис первый. Отсутствие уведомления.

Цивилизация Земля не была уведомлена о регистрации. Первый радиосигнал был отправлен в 1895 году. Первое уведомление от налоговой пришло в 2045 году. Разница — 150 лет. За это время Земля успела: а) не знать о своём статусе налогоплательщика; б) не иметь возможности оспорить регистрацию; в) накопить штрафы, о существовании которых не подумывала.

Пункт 14.2.1 кодекса: «Автоматическая регистрация вступает в силу только при условии, что цивилизация была уведомлена о последствиях». Земля не была уведомлена. Следовательно, регистрация недействительна. Следовательно, долга нет. Следовательно, штрафы и пени начислены незаконно.

К этому тезису прилагалось 5 миллионов страниц возражений. На каждую возможную лазейку налоговой — по десять контраргументов.

Тезис второй. Невозможность оплаты.

Земля не имеет доступа к галактическим кредитам. Кредиты не производятся на Земле. Обменный курс не установлен. Способ конвертации земных денег в кредиты отсутствует. Требование оплаты в валюте, которой у должника нет и быть не может, является недобросовестным и противоречит базовым принципам налогового права (если такие принципы существуют в галактике).

К тезису прилагалось 7 миллионов страниц экономического анализа. Каждая страница доказывала, что Земля физически не может заплатить. Даже если продаст всё. Даже если будет работать вечность.

Тезис третий. Процедурные нарушения регистрации.

Автоматическая регистрация при первом радиосигнале — это произвол. Радиосигнал 1895 года был случайным, неосознанным, не имел юридической силы. На заседании 7 мая 1895 года Русского физико-химического общества в Санкт-Петербурге учёный продемонстрировал прибор для демонстрации быстрых колебаний в атмосферном электричестве, названный им «грозоотметчик». Земля не уполномочивала Александра Попова подписывать налоговые соглашения. Попов действовал без доверенности. Следовательно, его действия не могут порождать обязательств для всей планеты.

К тезису прилагалось 10 миллионов страниц историко-правового анализа. Каждая страница доказывала, что Попов не был дипломатом, не был президентом, не был даже министром. Он был профессором. Он даже не хотел поговорить с Марсом. Он не хотел зарегистрировать планету в галактической налоговой.

Тезис четвёртый. Несоразмерность наказания.

Долг в 10 септиллионов долларов — это заведомо несоразмерно любому возможному нарушению. Даже если Земля нарушила процедуру регистрации (что не доказано), штраф не может превышать стоимость планеты. Стоимость всех активов Земли — примерно 5 квадриллионов долларов (по оценке экспертов). Требование в 10 септиллионов превышает эту сумму в 2 миллиарда раз. Это не штраф. Это конфискация. А конфискация без суда — это грабёж.

К тезису прилагалось 15 миллионов страниц экономических расчётов, экспертных заключений и философских рассуждений о справедливости. Все это должно было быть пере-

ведено лингвистами на шумерский язык, который ранее Галактической налоговой не использовался.

Через три недели заявление было готово.

Все 37 миллионов страниц. Вес — 200 тонн (если печатать на бумаге).

Объём — 5 000 кубометров (если сложить стопками).

Время чтения — 80 лет (если читать без перерыва). Время перевода, понимания и интерпретации документа — неизвестно. Все известные ИИ просто выходили из строя только на стадии загрузки файла.

— Это монстр, — сказал профессор Лю, глядя на стопки документов, только преамбула которых занимала целый ангар. — Юридический монстр. Налоговая захлебнётся.

— А если нет? — спросил американский юрист.

— Тогда мы создадим второго монстра. Апелляцию на отказ в банкротстве. Ещё 37 миллионов страниц. На языке Ронго-ронго острова Пасхи.

— А если они откажутся рассматривать?

— Тогда третий монстр. Жалоба на отказ в рассмотрении и дискриминации коренного населения Земли. Ещё 37 миллионов.

— А если и это не сработает?

Профессор Лю пожал плечами.

— Послушайте, вы за кого? За нас или за них?

6

Прежде чем отправить заявление о банкротстве и апелляцию, оставалось уладить одну мелочь — размером с планету. Объект ранее официально уведомил, что «сообщения от планеты Земля больше не принимаются», случайные вопли в космос не засчитываются и все дальнейшие обращения — только через официального представителя.

После короткого, но бурного совещания человечество в лице трёх закрытых комитетов, пяти открытых форумов и одного международного анонимного опроса в сети единогласно избрало на эту должность Генерального секретаря ООН. Волд не хотел, но его мнения не спрашивали.

Церемония вступления в должность длилась две минуты и выглядела как техническая пауза между новостями. Без гимна, без флагов, без толпы. Генеральный секретарь просто подошёл к камере, поправил галстук (который, как он надеялся, был «галактически нейтральным») и произнёс:

— Я назначаю себя официальным представителем планеты Земля перед Галактической налоговой инспекцией. Полномочия — бессрочные. Ответственность — полная. Без зарплаты и выходных.

Люди, видевшие эту церемонию, рыдали навзрыд. Впервые в истории человечества на их глазах высокопоставленный чиновник не только не попросил зарплату, служебную машину, кабинет побольше и аппарат секретарей, но и добровольно подписался на вечную смену «день/ночь/галактический апокалипсис».

— Это новый уровень суицидального служения обществу, — дрожащим голосом прокомментировал эксперт по госуправлению в последовавшем после церемонии выпуске новостей. — До этого что-то подобное мы наблюдали только в России.

Объект ответил через минуту. Пришло новое сообщение. Не прямо в голову, как опасался Волд, а на специально открытый канал. Только для представителя. С регистрацией, шифрованием и такой электронной подписью, что у трёх специалистов по кибербезопасности случился нервный тик.

«Официальный представитель планеты Земля назначен. Данные зафиксированы. Канал связи открыт. Статус: активен. Объём входящих сообщений — неограничен. Ответственность за содержание — на отправителе. Добро пожаловать в систему, представитель. Ваша налоговая история начинается сегодня».

Заявление отправили объекту. В цифровом виде. 37 миллионов страниц — 500 терабайт данных. Передача заняла 12 часов.

Через 6 часов пришёл ответ.

«Ваше заявление получено и зарегистрировано. Присвоен номер ГИ-8472-3-2147-Б/01. Начат процесс рассмотрения. Срок рассмотрения — 6 земных месяцев. На время рассмотрения санкции и сроки исчисления задолженности приостанавливаются. Пожалуйста, ожидайте решения».

В бункере раздался вздох облегчения. Самый громкий вздох в истории человечества.

— Сработало, — сказал профессор Лю. — Мы выиграли 6 месяцев.

— А потом? — спросил генеральный секретарь.

— А потом они вынесут решение. Скорее всего, не в нашу пользу.

— И что тогда?

— Тогда мы подадим апелляцию на решение. Ещё 37 миллионов страниц.

— А если они отклонят и апелляцию?

— Тогда новый монстр. Жалоба на отклонение.

— А если и это не работает?

Профессор Лю с тоской посмотрел в потолок.

— Тогда, — медленно произнёс он, — мы подадим жалобу на порядок рассмотрения жалобы на отклонение апелляции.

— Похоже у вас на все есть ответ, и вы готовы к любым сюрпризам от наших неизвестных протеев.

— Думаю, бюрократия — это пока единственное, что нас с ними объединяет.

* * *

Шесть месяцев, которые выиграли юристы, вошли в историю как «Передышка».

Люди перестали паниковать. Не потому, что проблема решилась. Потому что появилась надежда. Пусть иллюзорная. Пусть временная. Но надежда.

Правительства вернулись к работе. Банки открылись. Фондовые биржи — нет, но это уже никого не волновало.

Люди снова начали выходить на улицы. Смотреть в небо. Объект висел на том же месте. Чёрный. Молчаливый. Но теперь он не давил. Он просто ждал. Как судья, ушедший на совещание.

Лю Вэй не сидел сложа руки. Его юристы работали. Они готовили новые монстры. Апелляции. Возражения. Жалобы. Они знали, что налоговая не примет их сторону. Но они знали и другое: бюрократия любит процедуры. А процедуры требуют времени. Время — это единственное, что они могли выиграть.

Глава 6. Новая надежда

1

Первые недели, пока счетчик долга не был поставлен на паузу и не произошла «Передышка», вошли в историю человечества как «Великое Бегство».

Не потому, что можно было куда-то бежать. Бежать с планеты было некуда. Но люди все равно бежали. Инстинкт.

Миллиарды людей покидали свои города. Они отправлялись в деревни, в леса, в горы. В бункеры, построенные ещё их дедами на случай ядерной войны. В подземные паркинги. В метро. Куда угодно, лишь бы подальше от неба. Потому что на небе висела она. Чёрная. Огромная. Пугающая. Звезда Смерти.

Авиаперелёты сразу отменили. Все отказывались летать. «А если он нас собьёт?» — спрашивали пассажиры. «Он пока не подавал признаков агрессии», — отвечало руководство авиакомпаний. «А если начнёт?» — «Тогда вы получите страховку». Люди не оценили юмор. Они сдавали билеты. Все. Сразу. Авиасообщение встало.

Морские порты тоже закрылись. Экипажи судов боялись выходить в океан — объект висел прямо над головой, и казалось, что он следит. Капитаны пытались остановить панику, но командам было всё равно. Они бросали суда в портах. Танкеры, контейнеровозы, круизные лайнеры — всё осталось стоять у причалов. Никто не хотел быть на воде, когда начнётся конец.

Фондовые биржи рухнули в первый же день. Продавать было некому. Деньги перестали иметь значение. Какое значение имеют деньги, когда планета будет конфискована через год? Бумажки. Цифры на экранах. Ничего больше.

Банки не открылись на второй день. Люди снимали наличку, но наличка тоже стремительно обесценивалась. Инфляция стала катастрофической. Потому что экономики больше не существовало.

Границы исчезли. Не потому, что их открыли. Потому что пограничники никого не задерживали. Кому нужны границы, если скоро не будет даже планеты? Паспорта никто не проверял. Визы никто не ставил. Таможни стояли пустыми. Люди шли туда, куда хотели. Никто их не останавливал. Никто не спрашивал документы. Документы тоже потеряли смысл. Как и всё остальное.

Правительства ещё работали. Кое-как. В бункерах. Но люди перестали их слушаться. Зачем слушаться правительство, которое не может защитить от налоговой? Президенты выступали с обращениями. Их никто не смотрел. Новые указы никто не читал. Власть испарилась. Осталась только паника.

Религиозные лидеры объявили объект Армагеддоном, Рагнарёком, Концом Света и Великим Переходом одновременно. Паства молилась. Христиане — в церквях. Мусульмане — в мечетях. Буддисты — в храмах. Атеисты — в подвалах. Молитва была единственным, что оставалось тем, у кого не было денег на яхту или бункер.

Учёные пытались убедить всех, что объект — это просто астрофизическая аномалия. Никто не верил. Они продолжали публиковать статьи в журналах и интернете, пока тот еще работал. Их никто не читал. Научный процесс остановился.

Художники рисовали объект. Поэты писали стихи. Композиторы сочиняли симфонии. Но никто уже не слушал. Все смотрели в небо. Картины оставались в мастерских. Стихи — в блокнотах. Симфонии — в партитурах. Искусство умерло. Потому что искусство требует зрителя. А зритель смотрел на чёрный круг.

2

Элиты бежали первыми.

Не потому, что они были умнее. Потому что у них были ресурсы. Частные самолёты, яхты, бункеры в Новой Зеландии, подземные убежища в Швейцарии, и даже космические корабли. У Илона Маска их было три. Готовых к старту. С полными баками. С запасами еды на десять лет. С системами жизнеобеспечения. Он планировал улететь на Марс. Но Марс тоже был в зоне досягаемости налоговой. До Марса — рукой подать. Спрятаться негде.

Маск заплакал прямо в прямом эфире. Эфир смотрели два миллиарда человек и тоже плакали. Это был самый массовый плач в истории человечества. Два миллиарда человек плакали вместе с Илоном. Кто-то от сочувствия. Кто-то от бессилия. Кто-то просто потому, что больше не мог держать в себе.

Другие миллиардеры обсуждали вариант «улететь в другую галактику». Технически возможно. Но на это нужны века. А у них всего год. Не успевают. Даже на самом быстром корабле. Даже если лететь без остановки. Физику не обманешь.

Прошли слухи, что можно откупиться. Индивидуально. Предложить объекту свои активы. Недвижимость в Манхэттене. Яхты в Монако. Картины Пикассо. Доли в корпорациях. Золотые слитки. Алмазы. Острова в Тихом океане. Всё, что копилось поколениями. Всё, что стоило миллиарды. Всё, что теперь не стоило ничего.

Однако во время сбоя, после того, как китайский Штаб бюрократического сопротивления послал свои миллионы запросов, в числе прочих ответов был и такой. Галактическая налоговая ответила один раз на всех. Сухо. Официально. Беспощадно: «Индивидуальные переговоры не предусмотрены. Должник — планета Земля как единый налогоплательщик. Это означает коллективную ответственность, солидарное взыскание. Оплата — только от имени всей планеты. Личные активы не принимаются. Повторные предложения будут игнорироваться».

Миллиардеры ничего не могли сделать. Их деньги не значили ничего. Их яхты не уплывут от налоговой. Их бункеры не спасут от конфискации. Они были такими же смертными, как и все.

Они начали паниковать. Но паниковали богато. На яхтах. В бункерах. С шампанским. Но запасы шампанского быстро кончались. Кончалась икра. Кончались сигары. Под вопросом было само существование денег. Началась настоящая паника, как у всех.

Марк Цукерберг предложил переселить человечество в метавселенную. «Мы можем жить в цифровом мире, — сказал он. — Объект не сможет нас конфисковать, если нас не существует физически». Ему ответили, что метавселенная работает на серверах. Серверы стоят на Земле. Землю конфискуют. Серверы отключат. Метавселенная умрёт вместе с планетой.

3

А потом случилось то, чего никто не ожидал.

На двенадцатый день паники, когда мир уже махнул на себя рукой, по телевизору — по тому немногому, что ещё работало — выступил человек в костюме. Обычный костюм. Серый. С галстуком. Не Вейдер. Не штурмовик. Не джедай. Просто человек, проживающий в Белоруссии.

Он назвал себя представителем «Инициативной группы по добровольной коллективной капитуляции перед Галактической налоговой инспекцией».

— Мы считаем, — сказал он, — что сопротивление бессмысленно. Мы должны сдаться. Добровольно. Организованно. С почестями.

— Кто «мы»? — спросил ведущий.
— Граждане Земли, подписавшие петицию. Нас уже семь миллионов.
— Семь миллионов? — ведущий не поверил своим ушам.
— Семь миллионов триста двадцать четыре тысячи двое, если быть точным. Мы требуем, чтобы ООН официально признала поражение и начала переговоры об условиях почётной капитуляции. Мы хотим, чтобы нас переселили в резервации с видом на море. И чтобы в резервациях были розовые фламинго.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно, — ответил человек в сером костюме. — Мы даже подготовили текст капитуляции. Он короткий. Всего триста страниц.

— И что там?

— Основные требования. Нам нужна резервация площадью не менее миллиона квадратных километров. С пресной водой. С умеренным климатом. С бесплатным Wi-Fi. И с правом на выращивание картофеля. Картофель — это святое.

Ведущий закрыл лицо руками. Студия замолчала.

Через час в интернете появилась петиция. К ней присоединились сразу три миллиона человек. Потом еще шесть миллионов. Десять. Сто. Люди устали бояться. Люди устали бежать. Люди устали надеяться. Они хотели просто сдаться. По-человечески. С картофелем. С фламинго. С видом на море.

Правительства не знали, что с этим делать. ООН заявила, что «не комментирует инициативы безумцев». Россия назвала их «предателями человечества и иноагентами», быстро внесла изменения в специальный закон. Согласно новой редакции закона, иноагентом (инопланетным агентом) признавался теперь не гражданин или юридическое лицо, связанное с зарубежными государствами, а лицо, действующее в интересах внеземных цивилизаций, в том числе под влиянием инфраструктурных объектов Галактики. США пригрозили санкциями будущим резервациям. Но санкции уже ничего не значили.

4

Это началось с новости на CNN.

Восемнадцатый день паники. Ведущая выглядела так, будто не спала неделю.

— У нас эксклюзивные данные. В городе Мемфис, штат Теннесси, обнаружен человек с реальным именем, которое может изменить всё. Его зовут... — она сделала паузу, словно не веря себе, — ...Люк Скайуокер.

В студии повисла тишина. Даже график на заднем плане замер.

— Люк Скайуокер, — повторила ведущая. — Сорок три года. Работает почтальоном. Живёт в трейлерном парке. Разведён. Двое детей. Собака по кличке Чуи.

На экране появилась фотография. Обычный мужчина в синей форменной куртке USPS. С сумкой через плечо. С бейджиком на груди. Лысеющий. С усами. Уставший. Он стоял у почтового ящика и держал в руке конверт.

Сначала никто не знал, что делать с этой информацией. Журналисты молчали. Эксперты, приглашённые в студию, открывали рты и закрывали их. Ведущая смотрела в камеру и, кажется, молилась про себя.

А потом интернет взорвался.

Через час после эфира в соцсетях было сто миллионов постов с фотографией Люка. «Да пребудет с тобой сила!» — писали люди. «Звезда Смерти, готовься!» — вторили другие. «Люк Скайуокер реален. Мы спасены». Кто-то смонтировал видео, где фотография почтальона плавно перетекала в кадр из «Звёздных войн», где Марк Хэмилл в роли Люка смотрит вдаль. Музыка Джона Уильямса. Миллионы просмотров.

Через два часа в Мемфис съехались все телеканалы мира. CNN, Fox News, BBC, RT, Al Jazeera, японские, китайские, бразильские, — все. Трейлерный парк осадили сотни машин со спутниковыми тарелками. Журналисты дрались за место у забора. Собака Чуи лаяла на всех подряд.

Люк Скайуокер, почтальон из Мемфиса, проснулся знаменитым, но он не понял, что произошло. Он был в ужасе.

Первые три дня Люк прятался.

Он забаррикадировался в своём трейлере. Занавесил окна. Выключил телефон. Не открывал дверь даже полиции. Журналисты караулили снаружи круглосуточно. Кто-то запустил дрон и пытался заглянуть в вентиляцию. Кто-то подложил под дверь письмо с предложением интервью за миллион долларов.

— Я не герой, — сказал он в щелку двери одному особо настойчивому репортёру. — Я просто человек. У меня ипотека. Бывшая жена. Собака. Я хочу, чтобы меня оставили в покое. Его не оставили.

На четвёртый день приехал Илон Маск. На своём электромобиле. С охраной. С командой пиарщиков. Он встал на колени перед трейлером — прямо на землю, в костюме за десять тысяч долларов — и закричал:

— Люк! Ты нужен Земле. Я построю тебе корабль. Настоящий. С гипердвигателем. Ну, почти с гипердвигателем. Мы назовём его X-Wing. Он будет летать. Обещаю.

Из трейлера донеслось:

— Я боюсь высоты.

— Мы летим в космос! Там нет высоты!

— Я не полечу.

Маск не отступал. Он просидел у двери четыре часа. Уехал. Вернулся на следующий день с подписанным чеком на десять миллионов долларов.

На шестой день Люк сдался.

Он дал большую пресс-конференцию. Вышел из трейлера в своей почтовой форме. За ним шла собака Чуи. Все аплодировали. Люк поднял руку. Попросил тишины. Сказал:

— Я не понимаю, что происходит. Я разношу письма. Но если вы все думаете, что я могу помочь... — он вздохнул, — ...то я попробую.

Мир взорвался аплодисментами. Прямой эфир смотрели пять миллиардов человек.

Люк Скайуокер, почтальон из Мемфиса, согласился спасти человечество.

На седьмой день Люка увезли в Лос-Анджелес. В секретную лабораторию. Туда же привезли костюмеров со студии Lucasfilm, которые работали над оригинальной трилогией. Двое из них были ещё живы. Оба согласились помочь.

— Мы сошьём тебе форму, — сказал главный костюмер, старик с дрожащими руками. — Такую же, как у Люка в четвёртом эпизоде. Белая туника. Коричневый плащ. Сапоги. Ты будешь выглядеть как герой.

— Я почтальон, — напомнил Люк. — У меня есть форма. Синяя.

— Теперь у тебя новая форма, — сказал костюмер. — Форма надежды.

Форму пошили за три часа. Костюмеры сделали всё идеально. Белая туника сидела как влитая. Коричневый плащ развевался за спиной. Сапоги скрипели, но это только добавляло шарма. Ему даже дали искусственный световой меч — не игрушечный, а настоящий музейный экспонат, взятый на время из коллекции Джорджа Лукаса. Меч не работал. Но все верили, что в нужное время он заработает.

Когда Люк впервые вышел в этой форме, съёмочная группа заплакала. Он был похож не на Марка Хэмилла — на себя. На почтальона, который надел костюм героя. И это было даже лучше, чем оригинал.

— Теперь ты символ, — сказали пиарщики.

- Я хочу домой, — ответил Люк.
- Домой ты вернёшься после того, как спасёшь мир.
- А если не спасу?

5

Илон Маск сдержал слово. Он построил корабль.

Это не был настоящий истребитель X-Wing. Это был старый грузовой корабль SpaceX, покрашенный в белый цвет, с приделанными крыльями из алюминиевых панелей. Крылья складывались. Правда не очень хорошо, одно все время застревало.

На корпусе нарисовали красные полосы. Кабину переделали под одного пилота. Добавили место для собаки. Чуи летел с хозяином. Без собаки Люк отказывался выполнять миссию.

— У Чуи будет своё кресло, — сказал Маск. — С ремнями. И миской для воды.

Систему наведения сделали на скорую руку. Вместо лазерных пушек установили прожекторы. Вместо торпед — ящики с почтой. Люк сам настоял. «Если я должен сражаться, — сказал он, — то буду делать это по-своему».

Маск хотел спорить. Но не стал. Героям не перечат.

На восьмой день состоялась презентация. X-Wing стоял на взлётной полосе в Техасе. Люк Скайуокер в полной форме подошёл к кораблю. Поднялся по трапу. Обернулся. Толпа ревела.

Он поднял руку. Толпа замолчала.

— Я почтальон, — сказал Люк. — Я не умею воевать. Я умею доставлять письма. И я доставлю. Одно письмо. Я вам обещаю: посылка будет доставлена по назначению.

Толпа взорвалась.

Сенат США, собравшийся в бункере под Вашингтоном, в экстренном порядке принял «Закон о героическом статусе почтовых работников в условиях межзвёздного кризиса». Закон присваивал Люку звание «Почётного защитника Земли» с правом на бесплатную парковку в любом штате и пожизненную поставку корма для собак.

Сенатор от Теннесси, выступая за закон, сказал:

— Этот человек — наш последний шанс. Если он провалится, мы все переселимся в резервации.

Закон приняли единогласно.

CNN удалось взять интервью у бывшей жены Люка, Бренды. Она сидела на крыльце своего дома в Мемфисе, курила сигарету и пила кофе из кружки с надписью «World's Okayest Mom».

— Люк — хороший человек, — сказала Бренда. — Но он не герой. Однажды он забыл забрать детей из школы. Я ждала два часа. Он приехал и сказал: «Прости, я перепутал день». Дети плакали. Я тоже плакала.

— Но сейчас он летит к объекту, — напомнил журналист.

— Знаю. — Бренда затаилась. — Может, там он не перепутает. Хотя вряд ли. Он всегда перепутывает. Но собаку он любит. Собаку он не забывает. Если Чуи с ним — всё будет нормально.

Журналист спросил, не хочет ли она что-то сказать Люку в прямом эфире.

Бренда посмотрела в камеру. Помолчала. Сказала:

— Люк, вернись живым. И пришли алименты. Я не шучу.

Пентагон официально присвоил собаке Чуи статус «стратегического объекта». Собаку запрещалось вывозить за пределы страны без разрешения президента. Собаку запрещалось фотографировать в профиль. Собаку запрещалось кормить чужим кормом.

— Чуи — единственное существо, которому Люк доверяет, — сказал представитель Пентагона. — Если с собакой что-то случится, Люк может потерять мотивацию и не спасёт Землю.

Группа защиты животных потребовала немедленно прекратить использовать собаку в военных целях. Пентагон ответил: «Собака используется не в военных, а в дипломатических целях. Она — посол добра». Группа защиты животных успокоилась. Частично.

6

Наконец настал день вылета. Люк Скайуокер, почтальон из Мемфиса, сел в корабль, пристегнул собаку и закрыл люк. Двигатели заревели. X-Wing оторвался от земли.

Миллиарды людей смотрели в небо. Кто-то плакал. Кто-то молился. Кто-то просто сжимал кулаки.

А наверху висела чёрная сфера. Она не изменилась. Она вообще не собиралась меняться. Но в этот раз — впервые за восемнадцать дней — над Землёй летел не страх. Над Землёй летела надежда.

И это было прекрасно.

Корабль Люка Скайуокера вышел на орбиту через два часа. X-Wing вибрировал, крыло застревало, связь прерывалась. Но он летел. Прямо к чёрной сфере.

— Люк, ты на связи? — спросил диспетчер из Хьюстона.

— На связи, — ответил Люк. Голос его дрожал. — Я вижу объект. Он... большой.

— Мы знаем, Люк. Ты готов?

— У меня есть письмо. Я отправлю его через шлюз. Если они откроют.

Корабль шёл на сближение.

А внизу, на Земле, миллиарды людей смотрели в небо. И верили в бывшего почтальона. Это была надежда. Абсурдная. Смешная. Невозможная.

Люк Скайуокер летел к своей Звезде Смерти. С письмом. С собакой. И с верой в то, что даже налоговая не устоит перед американской почтой.

X-Wing приближался к объекту. На экранах была сплошная чёрная стена. Гладкая. Холодная. Без окон. Без дверей. Без кнопки звонка.

Трансляция велась на весь мир. Семь миллиардов человек смотрели на экраны телефонов, компьютеров, телевизоров. Кто-то держал в руках самодельные световые мечи. Кто-то просто сжимал кулаки и шептал:

— Да пребудет с тобой Сила, Люк.

В бункере ООН Генеральный секретарь смотрел на экран. Рядом стоял Совет безопасности в полном составе. Они тоже все шептали на разных языках: «Да пребудет Сила». Звучало странно. Но искренне.

В США, на базе NASA, диспетчеры не отрывали глаз от мониторов. Голос Люка звучал в эфире.

— Хьюстон, я на месте, — сказал Люк. — Дверей нет. Что делать?

Диспетчер посмотрел на своего начальника. Начальник посмотрел на генерала. Генерал посмотрел на президента. Президент не знал что сказать и сжимал ручку.

— Люк, — сказал диспетчер, — попробуй... попробуй приблизиться.

— На сколько?

— Насколько сможешь. Что ты видишь?

— Я вижу объект, — ответил Люк. — Он... чёрный. Очень чёрный. Чёрнее моей формы.

А моя форма — белая.

— Это не имеет значения, Люк. Ты готов отправить письмо?

— Секунду. Чуи хочет выйти.

— Чуи не может выйти. Вы в космосе.

— Собака не понимает космос. Собака хочет на траву.

— Люк, ради всего святого...

— Ладно. — было слышно как Люк почесал собаку за ухом. — Чуи, потерпи.

В этот момент прямая трансляция набрала рекордные 10 миллиардов зрителей. Это было больше, чем население Земли. Значит, кто-то смотрел дважды.

— Чуи, прости, — сказал Люк. — Мы скоро вернёмся. Я обещаю.

Люк нажал на газ. X-Wing двинулся вперёд. Прямо к чёрной стене.

Трансляция начала глючить. Картинка дергалась. Звук прерывался.

— Люк, ты нас слышишь? — крикнул диспетчер.

— Слышу... — голос Люка стал далёким. — Странно... какое-то... давление... Чуи... не нравится...

— Возвращайся, Люк!

— Не могу... двигатели... не слушаются...

В этот момент трансляция прервалась. Экран погас. В динамиках — тишина.

Хьюстон: — Люк? ЛЮК?

Ничего.

— ЛЮК, ОТВЕТЬ!

Тишина.

Миллиарды человек смотрели на чёрные экраны. Все замерли, все одновременно прошептали: «Да пребудет Сила».

Ничего не произошло.

7

Через час NASA провело официальную пресс-конференцию. Выступала женщина-диспетчер, которая последний раз связывалась с Люком.

— В 15:47 по восточному времени связь с кораблём «X-Wing» и его пилотом Люком Скайуокером была потеряна. Анализ телеметрии показывает, что объект проявил гравитационные аномалии, не зафиксированные ранее. Предварительная версия — объект обладает свойствами, аналогичными чёрной дыре малой массы. Корабль мог быть захвачен гравитационным полем и уничтожен.

— То есть... — журналист запнулся, — ...объект засосал Люка?

— Говорить о «засасывании» некорректно с научной точки зрения.

— Но он засосал Люка?

Диспетчер помолчала. Потом сказала:

— Да. Он засосал Люка.

И диспетчер заплакала в прямом эфире. Не потому, что она была женщиной. Потому что она была человеком.

Новость о гибели Люка разлетелась за минуты.

В Мемфисе тысяча человек пришли к трейлеру Люка. Они несли цветы. Собачий корм. Световые мечи.

В интернете началась паника. Нового типа. Не страх — гнев.

«ОНИ УБИЛИ ЛЮКА» — кричали одни заголовки. «МЫ ОТОМСТИМ» — подхватывали другие. «ДА ПРЕБУДЕТ СИЛА» — печатали все.

На улицы вышли миллионы. С плакатами. С портретами Люка. Они не громили магазины. Они молча стояли. Смотрели в небо. И шептали: «Да пребудет Сила».

В Нью-Йорке группа джедаев устроила церемонию прощания. Они зажгли световые мечи — тысяча зелёных и синих огней в ночи. Они стояли в кругу и молчали. Полиция не вмешивалась.

В Лондоне все штурмовики в белом сложили оружие. Их командир вышел к толпе и сказал: «Сегодня мы не враги. Сегодня мы все — повстанцы». Толпа зааплодировала. Штурмовики сняли шлемы. Под ними были обычные люди. Которые тоже плакали.

В Пекине Штаб бюрократического сопротивления работал круглосуточно. Китайские аналитики не плакали. Они работали. Но на стенах штаба кто-то повесил плакаты: «Люк Скайуокер. Он доставил письмо. Теперь наша очередь». Никто не сорвал плакат. Даже партийное руководство.

У человечества больше не было Люка. Не было X-Wing. Не было собаки Чуи, которую наверняка тоже засосало вместе с кораблём.

Письмо ушло в объект вместе с Люком. Что было в письме, никто не знал.

Люк Скайуокер, почтальон из Мемфиса, погиб. Но он стал символом. Абсурдным. Смешным. Невозможным.

Он сделал то, что никто не мог до сих пор. Он постучался в дверь налоговой. С письмом. С собакой. С верой в то, что даже у чёрной дыры есть почтовый ящик.

Потому что надежда — это единственное, что нельзя конфисковать.
Даже налоговой.

Глава 7. Чуи-койн

1

После гибели Люка Скайуокера весь мир погрузился в траур ровно на три дня. На четвёртый день траур закончился. Не потому, что люди перестали скорбеть. А потому что из пекинского Штаба бюрократического сопротивления пришло сообщение о том, что таймер долга приостановлен на полгода для рассмотрения апелляции по банкротству. Эти шесть месяцев, которые выиграли юристы, вошли в историю как «Передышка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.